
Реджепмурад Дурдыев
Орагатды — весёлая игра
Издательство «Детская литература»

Реджепмурад Дурдыев

Орагатды — весёлая игра

ПОВЕСТЬ

Перевод с туркменского

Эрвина Умерова

Москва
«Детская литература»
1983

С(Туркм)2
Д84

Рисунки
А. Борисова

Д $\frac{4803010200-578}{М101(03)83}$ 343—83

К юному читателю

Я так считаю: нужно иметь особый дар, чтобы стать детским писателем.

Вспомните сами, ребята, кем вы только не хотели стать в жизни! И шофёром, и лётчиком, и врачом, и слесарем, и знаменитым артистом... Ведь правда? Но для каждой профессии, как известно, нужно иметь особое призвание. В конце концов человек останавливается на том, что близко его душе, к чему у него особое тяготение.

Думаю, я не обижу Реджепмура́да Дурды́ева, чью книгу вы держите сейчас в руках, если раскрою его маленький секрет. В детстве он мечтал стать музыкантом и артистом. Учился играть на дутаре[1] у своего односельчанина Мере́та-ага[2],— музыканта-виртуоза, бахши́, как ещё называют у нас певцов-сказителей.

Музыкант терпеливо и настойчиво обучал его своему искусству. Но сколько ни старался мальчик, дутар не хотел его слушаться, получалась не музыка, а одно мучение для слуха...

Вот как, сам смеясь над собой, вспоминает Реджепмурад те времена:

«...Однажды, после моего очередного «концерта», Мерет-ага повёл меня на свой садовый участок. Сам взял лопату, мне указал на вторую. Начали мы копать землю. Хорошо поработали. Почти пол-участка вскопали. Прощаясь, Мерет-ага сказал: «Приходи на занятия завтра утром пораньше». Ну, я опять заявился к учителю с дутаром в руках. Но играть на нём мы не стали. Опять пошли копать землю. То же случилось и на третий день. Тогда я удивился и спрашиваю: «А когда же мы будем играть на дутаре?»

Учитель засмеялся и говорит: «Неужели ты, сынок, до сих пор не понял? Вот гляжу я, как ты ловко орудуешь лопатой, и не нарадуюсь.

[1] Дута́р — национальный струнный музыкальный инструмент.
[2] Ага́ — брат, уважительное обращение к старшему.

А ведь это тоже особое искусство — уметь землю копать. А дутар... прошу тебя, не обижайся, забудь о нём. У тебя нет ни слуха, ни таланта... А вот землю ты копаешь хорошо, ловко, я бы даже сказал — талантливо. Быть тебе, сынок, земледельцем».

А Реджепмурад и был земледельцем, как его отец, дед, прадед... Знал все секреты сельского труда... И поэтому не удивительно, что после десятилетки, прямо со школьной скамьи, отправился в поле, стал колхозником. Сеял хлопок, выращивал помидоры, собирал богатый урожай урюка и персиков...

Однако пришло время, как у нас говорится, созреть плоду. Реджепмурад понял, что он должен как-то выразить себя, всё то, что копилось в душе и памяти, чем хотелось поделиться с другими.

К тому времени Реджепмурад поступил в Туркменский государственный университет, на филологический факультет. Планы у него были скромные. Знать все тонкости родного языка и научить тому же своих будущих учеников...

Но... мысли и впечатления, воспоминания о совсем недавнем детстве, о своём ауле, об односельчанах, очень интересных, самобытных в жизни и труде людях, не давали Реджепу покоя.

Тогда он сел... и написал небольшую повесть, которая, быть может, даже очень автобиографична. Я эту вещь прочёл с удовольствием — и улыбался и смеялся, иногда над чем-то задумывался.

Повесть эта — «Орагатды́ — весёлая игра» — была выдвинута на республиканский конкурс на лучшее произведение для детей и получила премию.

Не стал Реджепмурад Дурдыев бахши — он стал писателем. Но, как и бахши, писатель Дурдыев говорит о нашем удивительном и прекрасном времени.

Я уверен, вы прочтёте эту книгу с удовольствием, вам интересно будет узнать, как живут в далёком туркменском ауле два неразлучных друга, ваши сверстники Анна́к и Меледже́.

Так пошли, мой юный друг, последуем за этими джигитами и посмотрим, куда они нас приведут. Я уверен, приведут они к хорошему. А что можно пожелать в жизни для себя и ближнего? Только хорошего!

Каю́м Тангрыкули́ев, лауреат
Государственной премии им. Махтумкули́,
международной премии им. Г.-Х. Андерсена

ГЛАВА ПЕРВАЯ о том, как в двух семьях одновременно родились два мальчика и что из этого вышло

Шёл последний урок. Учитель Торемура́д-ага то и дело поглядывал на часы. Это у него привычка такая. Говорят, он чувствует, когда должен прозвенеть звонок, и оттого всё чаще начинает посматривать на часы. А мы в свою очередь наблюдаем за учителем. И по этому признаку узнаём, скоро ли долгожданный звонок.

В тот день мы все были уже наготове — сумки уложены, тюбетейки в руках: звонок — и ринемся на волю. И вдруг — тра-ах! — распахивается дверь и в класс влетает мальчишка. Маленький такой, толстенький, с раскосыми блестящими глазами. Мы так и разинули рты, а Торемурад-ага, тот вообще заикаться начал.

— Т-ты ч-чего, м-мальчик? — проговорил он.— З-за т-тобой что, б-бешеные соб-баки гонятся?

Куда там отвечать! Толстячок сам посыпал вопрос за вопросом:

— Это пятый класс? Пятый «Г»? Правильно?

— Ну да,— говорит Торемурад-ага,— он самый, а ты здесь кого-нибудь ищешь?

— Нет,— отвечает мальчик,— я учиться пришёл.

— Добро пожаловать,— улыбнулся тогда учитель,— но тебе не кажется, что ты немножко запоздал? Сейчас уже звонок прозвенит.

Толстячок отвечает, невинно хлопая глазками:

— Я думал, хоть класс свой увижу. С ребятами познакомлюсь.

— Ну что ж, пройди, сядь вон на свободное место. Отдышись хоть.— Учитель указал на мою парту.

В классе у нас двадцать семь человек, и двадцать седьмой, наверное, я, потому, видно, и сижу один.

Я подвинулся к краю парты, толстячок улыбнулся мне и плюхнулся рядом. В эту минуту и зазвенел звонок. Само собой, все повалили из класса. Новенький — ни на шаг от меня.

— Пойдём ко мне в гости,— предлагает он вдруг на улице.

Вы только поглядите на него! Сам только что появился в ауле, а уже в гости зазывает.

— Спасибо,— ответил я.— Только лучше пошли ко мне. А к тебе завтра пойдём.

— Ладно,— легко согласился толстячок,— тогда и к тебе завтра пойдём.

Пожали друг другу руки и разошлись. Я — дворами — домой. Иду

и вдруг слышу — за спиной кто-то топочет, тяжело дышит, сопит. Оглянулся — новый мой знакомец догоняет. Красный, как помидорина, пот градом катит с пухлой круглой физиономии.

— Ну и быстро ты ходишь,— говорит, едва переводя дыхание.— А мы с тобой вроде соседи?

— А вот он, мой дом,— показываю я на наш большой, увитый виноградником дом.

— Ой, да это же и мой дом! — засиял мой новый знакомец.

Я недоверчиво покосился на него. Тогда он охотно пояснил:

— Вернее, мы здесь будем жить, пока сами не построим дом. Так, выходит, ты Меледже?

— Вроде бы.

— А отец твой Караджа́-ага?

— Откуда ты узнал?

— Мы же с вами раньше соседями были.

— Слушай, а тебя не Аннаком зовут, ов[1]? — приостановился я.

— Ну конечно, с самого рождения!

Ну уж про это рождение я был наслышан. Как же! Жили мы, вернее, родители наши соседями, дом к дому. Дружно жили, как две родные семьи. И тут вдруг — р-раз! — родились мы. Я и этот самый Аннак. В один день. И почти в один час. Конечно, радости, счастья было — не описать. У таких больших друзей — мальчики родились, в один день, почти в одно время, оба здоровые, крепкие, ну и, конечно, красивые. Как не порадоваться!

Решили наши родители, как положено, отметить это событие, созвать аульчан на пиршество — той. Решение-то принял каждый отец сам по себе и назначил пиршество тоже в удобный ему день — на воскресенье. Но как известно, у аульчан наших, как у всех людей, по одному желудку, по одной голове. На двух тоях быть одновременно они никак не могут при всем желании. Вот тогда отец Аннака, Джумми́-ага, и говорит моему папе:

«Дорогой сосед, сделай одолжение, перенеси свой той на следующее воскресенье. Мне лично никак нельзя откладывать. В понедельник я еду в пески, на стрижку овец. А это, ты сам знаешь, надолго».

«Рад бы уступить тебе, Джумми,— отвечал мой папа,— но обстоятельства никак не позволяют. Послезавтра я тоже надолго уезжаю из дома. На чистку арыков».

Призадумался Джумми-ага, долго сидел молча, прикидывая, как

[1] Ов — возглас удивления.

бы сделать, чтобы, как говорится, и шашлык зажарился и палочки, на которые он нанизан, не обгорели.

«Знаешь, давай-ка сделаем так,— говорит Джумми-ага потом.— Объединим два наши торжества в одно. Что главное для тоя? Шурпа[1] и плов. Шурпу, к примеру, готовлю я, а плов — ты. Можно и наоборот. Всё остальное угощение сваливаем на один общий дастархан[2]. Никто не будет в обиде».

На том и порешили. Джумми-ага готовит шурпу, мой отец — плов.

И вот кипят два громадных котла, источают невообразимый аромат. Столы готовы, ждут гостей. Тут Джумми-ага кличет отца.

«Сосед, подойди, пожалуйста, попробуй, как посолена шурпа. Я обычно, что ни готовлю, недосаливаю».

Отец, конечно, попробовал. И говорит:

«Знаешь, она и вправду малость недосолена. Надо, по-моему, подсолить».

Джумми-ага с готовностью подаёт папе мешок с солью.

«Подсоли, дорогой, по своему вкусу».

Папа берёт мешок с солью и только к казану, как вдруг мешок с солью — бамц! — выскальзывает из его рук и падает в котёл. Пока ах да ох, вся соль в шурпе и растаяла. Суп, само собой, в рот нельзя взять. Джумми-ага, конечно, рассердился:

«Ты нарочно испортил мою шурпу! Чтобы люди не отведали моего угощения!»

«Аллах с тобой! Разве я хотел тебе зла? — отвечает отец.— Ты же видел, нечаянно всё получилось».

Видеть-то Джумми-ага видел, да и кричал он больше с досады, чем от злобы, но тут, на беду, подвернулась Дурже́-эдже́.

«Джуммиджан! — кричит она.— Я сама вот этими глазами видела, Караджа́-усатый (таково в ауле прозвище моего отца) нарочно, собственными руками опрокинул мешок с солью в твою шурпу. Небось позавидовал, что у тебя тоже родился сын!»

Рассказывают, как раз в те дни у тётушки Дурже дочка против её воли уехала в город, и эдже не знала, на ком выместить зло. А тут такой случай представился: задеть Джумми-ага. Тот давно мечтал о сыне.

Прибежала мама, стала мирить ссорящихся, мол, угощенья и без шурпы на два аула хватит, но куда там. Тот кричит: «Нарочно!», этот: «Нечаянно!» Дым столбом!

---

[1] Шурпа́ — суп из баранины.
[2] Дастарха́н — скатерть, за которой едят; здесь: в смысле стол.

Шурпу Джумми-ага непременно должны были отведать все аульчане. И все уже приглашены на угощение. Что делать?

Решили разбавить солёный бульон. Взяли два казана, долили воды — горький, принесли третий котёл — опять солёный. К тому же шурпа получилась жиденькой, едва-едва запах мяса чувствуется. Понятное дело, мясо и всё прочее на один казан были рассчитаны, а не на те вёдра воды, которые лились на них сверху и лились.

Гости, конечно, пришли все как один. Но хлебнут ложку-другую шурпы-воды у Джумми-ага и спешат к нам. А надо сказать, плов у нас получился, будто назло соседу, отменный! Плов, конечно, это хорошо, тем более если вкусный, да поди-ка одним пловом накорми весь аул! Дело-то рассчитывалось как: люди вначале похлебают шурпы, наполовину наедятся, потом за плов сядут. А получилось, и на половину гостей его не хватило. У тех не шурпа, а вода, у этих плов хорош, да его мало, вот и вышло, что обе семьи опозорились.

Разгневался невиданно Джумми-ага. И вскоре после этого он переехал со всем семейством в аул Арыкла́р, что неподалёку от нас. Не захотел больше жить с коварным соседом... Такая была история.

И вот приходим мы. Родители наши сидят в тени виноградника. Отцы, само собой, о том же говорят, о чём я вам только что толковал.

— Нет,— твердит Джумми-ага,— нет, дорогой, я во всём виноват, это всё моя горячая голова! — и бьёт огромной ручищей по лбу.

— Нет, не ты, я виноват, это я тебе испортил шурпу,— придерживает его руку мой папа, чтоб уж не очень больно колотил он себя.

— Ну будет вам! — прерывает их моя мама, о чём-то пошептавшись с женщиной, которая сидела рядом с нею. Как я потом узнал, это была мать Аннака, тётушка Бесси́р.

— Не удалось нам тогда справить той как полагается,— продолжает мама,— так справим теперь.

— Вот это мысль! — в один голос воскликнули наши папы.

И устроили пиршество. По поводу рождения сыновей. Которым, правда, в том году исполнилось одиннадцать лет. Никого не удивил этот той. Только Дурже-эдже, наша соседка, была недовольна.

— Подумаешь, велика радость — родились десять лет назад! — бормотала она.— Этих молодцов женить уже пора, а не день рождения им справлять.

Прошло немного времени, и Джумми-ага выстроил по соседству с нами новый дом (старый он сгоряча давно продал). На новоселье мы с Аннаком опять были главными героями, нам дали самые вкусные косточки.

ГЛАВА ВТОРАЯ об однорогой корове и о том, почему она стала однорогой, и ещё кое о каких других коровах

Надо ли говорить, что мы с Аннаком быстро подружились. Он был очень общительным, весёлым парнем. А я до знакомства с ним, наоборот,— замкнутым и стеснительным. Книги есть, и всё, больше ничего мне не нужно. Мог не есть, не спать — только читать. А когда появился Аннак, я стал больше бывать на людях. Ни одного дня не мог прожить без Аннака, начинал тосковать. Но сидеть с ним за одной партой, надо признать, было сущей пыткой. Этот человек вообще, кажется, не умел сидеть спокойно. А уж молчать — тем более. Только сосредоточишься на чём-нибудь, а он уже тычет локтем в бок, что-то бубнит тебе в ухо. Учился Аннак слабо, чтобы не сказать совсем плохо. Вроде ведь и готовится дома к урокам — обложится книгами и тетрадями, сидит. Но вызовут к доске — молчит, словно воды в рот набрал, переминается с ноги на ногу.

Учителя, конечно, не любили Аннака. Кто же будет любить отстающего ученика. Особенно невзлюбил Аннака наш учитель биологии Тага́нов. Потому что он у нас был ещё классным руководителем.

— Джуммиев, ну почему ты такой лентяй? Ты хоть дома открываешь учебники?

— Открываю, Торемурад-ага. Ещё как! Вон и Меледже сколько раз видел, может подтвердить.

Учитель блеснул в мою сторону очками.

— Вообще-то видел, что открывает...— начал было я.

— Ты не мямли, а отвечай твёрдо и ясно: учит Джуммиев уроки или не учит?

— Учит, товарищ учитель, учит. Только сегодня видел, как он зубрил биологию.

Торемурад-ага повернулся к Аннаку:

— Почему же ты тогда так плохо отвечаешь, Джуммиев? Или совсем в голове пусто?

— Да,— честно кивнул пустой головой Аннак.

— Как же так,— продолжал удивляться учитель,— уроки учишь, а в голове пусто? Может, ты читаешь учебник, а сам думаешь о чём-нибудь другом?

— Да,— опять кивнул Аннак, теперь с облегчением, словно кто-то другой ответил за него трудный урок.— И не хочу думать, а всё равно в голову лезет всякое разное.

— Вот как? — Торемурад-ага обошёл вокруг Аннака, внимательно разглядывая его большую, слегка приплюснутую сверху голову.— Вот ты сегодня учил биологию. Ответь мне, о чём постороннем ты думал в это время?

— О корове нашей,— простодушно признался Аннак.

Весь класс так и покатился со смеху.

Учитель постучал карандашом по столу.

— Так, о корове. Что же с ней такое приключилось, что она не даёт покоя твоей бедной голове?

— С коровой? — переспросил Аннак.

— Ну да, с кем же ещё?

— Как-то она забрела в огород Дурже-эдже,— охотно начал Аннак.— Ну и сгрызла там пару подсолнухов, не больше, кажется. А тётушка Дурже погналась за ней с палкой, как за врагом, стукнула раз и сломала ей рог. Ну что за вид — однорогая корова?

Ребята, конечно, опять захохотали. Учитель снова постучал карандашом по столу.

— Корова — это животное,— наставительно сказал он.— Не понимает, где чей огород, свой или чужой. Поэтому её надо держать на крепкой привязи.

— Я и говорю,— не унимался Аннак,— корова — скотина, а не человек. Не может схватить дрын и сломать кому-нибудь рог. Вот, к примеру, недавно, Торемурад-ага, ваша корова тоже отвязалась и забралась к нам в огород, обгрызла все наши тыквы. Так я же не стал ломать ей...

— Ладно, Джуммиев, хватит болтать. Садись, с тобой всё ясно,— как-то чересчур уж поспешно сказал Торемурад-ага.— Уроки учишь — надо об уроках думать, а не о всякой чепухе.

Сегодня тоже был урок биологии. Учитель объяснял, как Мичурин проводил опыты по скрещиванию разных плодовых деревьев. А Аннаку опять не то полезло в голову. Опять коровы. И притом опять корова Торемурада-ага.

— Знаешь, она вчера снова влезла к нам во двор. Рассыпала три мешка соломы, что стояли под навесом.

Учитель, конечно, тут как тут: при нём не разговоришься.

— Джуммиев!

— Я!

— Почему не слушаешь урока?

— Я говорил, что ваша...

— Джуммиев, придётся, наверное, поговорить с твоим отцом. Ты очень плохо ведёшь себя на уроках.

— А папы нет дома. Он в Арыклар уехал. Вернётся дня через три-четыре, не раньше.

— Что ж, расскажу тогда о твоём поведении матери.

— Мама тоже уехала с отцом.

Учитель на миг призадумался: как же, мол, мне с тобой быть?

— Тогда придётся, верно, попросить тебя из класса,— решил Торемурад-ага.

Аннак испуганно выглянул за окно, где выл холодный, противный ветер, поёжился. Мне вдруг тоже стало зябко.

— Освободи класс, Джуммиев.

Аннак понуро направился к двери. Я поднял руку.

— А тебе чего, Караджаев?

— Можно, я дам Аннаку свой пиджак?

Я думал, Торемурад-ага и меня погонит вон. Но он молча кивнул головой. Я снял пиджак и отдал Аннаку.

С его уходом в классе стало так же холодно, как было, наверное, на улице. Но вряд ли потому, что я отдал другу свой пиджак. И другим ребятам, я видел, было не теплее.

Урок кое-как доскрипел до конца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ о том, что такое орагатды, и опять кое-что про однорогую корову

Обязанностей у нас с Аннаком по хозяйству было немного: нарвать травы для скотины. Вроде бы ничего трудного, но поди попробуй не принеси травы: во-первых, скотина останется голодной и попрёков не оберёшься, а во-вторых, лишишься вкусных пенок с молока, которые мы с Аннаком так любили.

Травы, которую я привозил, навьючив на ишака, вдоволь хватало нашей корове до следующего дня. А у Аннака она кончалась тут же, едва он сваливал вьюк на землю. Страшно обжористая была корова Аннака, та самая, однорогая. Всегда мало ей, что дают, непременно верёвку оборвёт и в чужой двор норовит забраться в поисках съестного. Она, верно, была родною сестрою коровы учителя Торемурада-ага, такой же бездонный колодец.

Аннаку однорогая как кость в горле стала. Он, бедный, умолял отца:

— Продай ты эту корову! Купи другую, которая поменьше ест.

Джумми-ага не соглашался:

— Э, сынок, плохо ты ещё разбираешься в коровах. Наша корова, ничего что однорогая, не корова, а настоящий молочный комбинат. Такую во всей округе днём с огнём не сыщешь!

Эта прорва, сама такая небольшая, рыжая, ростом с шалашик, которая и раньше на аппетит не жаловалась, теперь ела за двоих, потому что ждала телёнка.

А Джумми-ага знай подбадривает сына:

— Потерпи, сынок, старайся. Сейчас никак нельзя плохо кормить нашу однорогую. Вот отелится она, отдам тебе за все твои труды телёночка.

Ехали мы однажды с Аннаком с поля,— конечно, везли траву. Усталые, руки-ноги отваливаются. Ишаки наши, те вообще еле ногами передвигали: ведь на них мы да ещё по два тяжеленных мешка с травой. Тут навстречу нам выскакивает наш одноклассник, Велле́к, рот до ушей, весь прямо-таки сияет, как начищенное медное блюдо.

— Эй, ты чего это так сверкаешь? — спрашивает Аннак, будто предчувствуя недоброе.— Тебя что, тут заместо фонаря поставили?

— А вот скажу я тебе новость, ты и сам засверкаешь не хуже стосвечовой лампочки.

— Да ну? — заинтересовался Аннак.— А ну говори быстрее, что там такое.

— Поздравляю тебя, дорогой друг, от всей души,— торжественно начал Веллек.— Корова ваша благополучно отелилась. Она принесла телёнка, что здоровенный осёл. Отец сказал, что это твой телёнок. Так что ты мне дашь за суюнчи?[1]

— Камень тебе за суюнчи, десять камней, сто, тысяча, сто тысяч камней! — начал вопить Аннак вне себя. Он точно взбесился: топал ногами, из глаз ручьём лились слёзы. Я-то понимал состояние друга, а Веллек возьми да засмейся. Аннак ка-ак ринется на него, наверное, на кусочки бы разорвал, да Веллек молодец — вовремя дёру дал.

Аннак, конечно, неспроста расстроился. Телёнок однорогой оказался таким же прожорливым, как и его уважаемая матушка, сметал всё, что ни дашь. Увлёкшись, он даже столбы в хлеву начинал обгладывать, представляете? Хорошо хоть, что прокормить эту семейку взялась и сама тётушка Бессир, мать Аннака, иначе моему другу пришёл бы конец.

Однажды после школы мы быстренько пообедали и поехали за травой. Рядом с нашим аулом раскинулась небольшая низина. Весной её и прилегающие овраги заливает водой, а после там трава вырастает по самый пояс. Когда-то, говорят, журавли, пролетавшие над луговиной, залитой водой, приняли её за озеро и сели отдохнуть. С тех пор и называются эти окрестности Журавлиным гнездовьем. Туда мы и ездили чаще всего. Как и на этот раз. Но сегодня нам совсем не хотелось работать. Ласковое солнце светит, яркие бабочки летают, звонкие жаворонки заливаются. В такое время только бы и играть, резвиться, а не траву косить. Вот Аннак вдруг и предложил:

— А давай поиграем в орагатды[2].

— Какая орагатды? Ещё ведь и по горсточке травы не набрали?

— А мы сложим две кучи камней и будем метать в них. Кто попадёт, тот выиграл, а проигравший косит ему траву.

— Что ж, годится.

Сказано — сделано. Сложили по куче камней. Кинули жребий. Первым кидать серп выпало мне. Я долго целился, метнул. Серп даже не долетел до цели.

— Ну и стрелок ты,— засиял-заулыбался Аннак.— Летящей вороне в левый глаз попадёшь.

Его серп упал прямо в середину каменной кучки.

— Вот как надо метать! — выпятил грудь Аннак.— Давай коси мне мою траву.

---

[1] Суюнчи́ — радостная весть, за которую полагается подарок.

[2] Орагатды́ — название игры. Буквально: кидать серп. Серп кидают на кучу травы противника, при попадании забирают её.

— Не торопись, Аннакджан,— взмолился я.— Поиграем ещё. Может, отыграюсь. А сколько проиграю тебе, столько травы и наберу.

Куда там отыграться! Мой серп то не долетал, то перелетал, то падал слева от кучи камней, то справа. Аннак же неизменно выигрывал. Задолжал я ему, кажется, целый грузовик травы.

— Говорил я тебе, хватит, не послушался,— огорчался за меня Аннак, однако всё так же тщательно целился в кучу камней, когда подходила его очередь.— Сегодня, наверно, ты совсем без травы останешься.

Не знаю, то ли меня самодовольство Аннака разозлило, то ли рука привыкла. Один раз попал в кучу камней, и пошло-поехало: два раза попал, три, пять. Теперь уже Аннаку не везёт. То мимо, то недолёт. Видит, что трава с того грузовика всё убывает и убывает, злится, нервничает и ещё больше ошибается.

Потом дело пошло так: то он выигрывает, то я. Мы уже и счёт потеряли, кто кому сколько должен. Тут глядим — и вечер наступил.

— Ты мне должен пятнадцать мешков! — говорит Аннак.

— Да я их давно отыграл! Это ты мне должен десять мешков.

— Я? Тебе?!

Только схватились за грудки, вдруг в овраге, рядышком, как завоет кто-то: «У-у-у-у!»

— Шакал, спасайся! — завопил Аннак, подбежал к своему ослу, серпом перерезал верёвку, взлетел на него и помчался в аул быстрее ветра. Никогда я ещё не видал, чтобы ишаки так быстро бегали.

Нет, думаю, не поддамся страху, как Аннак, отвяжу хоть осла, не буду портить верёвку. Но шакал опять завыл, теперь уже совсем близко — у меня чуть сердце не выскочило из груди, и я полетел домой, позабыв и про ишака, и про серп, и про траву.

После этого случая мы ни ногой в Журавлиное гнездовье. Так и казалось, что из оврага выскочат шакалы, щёлкая зубами, и растерзают нас на части. Но однажды тётушка Бессир, мать Аннака, вошла рано утром в хлев подоить корову и увидела огромного рыжего шакала. Он лежал мёртвый.

Неизвестно, что это взбрело ему на ум забраться в хлев. Может, надеялся отсюда пробраться в курятник, который примыкал к хлеву. Но на его пути встала Аннакова любимая корова — рыжая однорогая. И она так поддела этим самым рогом шакала — он и испустил дух.

Джумми-ага ходил в тот день героем, словно это он сам забодал шакала. С гордостью похлопывал рыжую по ребристому боку (она, сколько ни ела, была тощая, как с голодухи).

— Зверь, а не корова, настоящая тигрица! Смело расправилась со зверем, которого вы с Меледже так боялись. И ты, Аннакджан, ленишься таскать траву для такой коровы!

Люди, собравшиеся подивиться на шакала, весело посмеивались. Мы с Аннаком краснели, бледнели, но молчали. А что говорить? Что не боимся мы никаких шакалов, сегодня, сию же минуту пойдём на Журавлиное гнездовье и привезём уйму травы? А вдруг этот мёртвый шакал вовсе не тот, который напугал нас в овраге? А если даже он, кто уверен, что там не осталось всё его семейство с дальними родичами в придачу?!

Вот мы и молчали с Аннакджаном, не били себя в грудь: дескать, не такие уж мы трусы, как вы думаете.

Когда зеваки разошлись, мы с другом остались одни.

— Дальше так жить нельзя. С пятном позора,— говорю я Аннаку.— Надо его как-то смывать.

— Ах, если бы я знал, как это сделать...— отвечает он, заботливо отгоняя мух с хвоста однорогой героини.

Кое-какие планы на этот счёт у меня были. Я их и выложил другу. В сущности, говорю, получили мы это пятно из-за твоей рыжей коровы. Вот пусть она сама и смывает его с нас.

— Как так? — удивляется Аннак.

— Теперь каждый раз, как пойдём за травой на Журавлиное гнездовье, будем брать с собой твою однорогую. Она станет нашим стражем. Пока мы косим траву, пусть пасётся в овраге рядом. Так она и сама нажрётся, и к нам шакалов близко не подпустит.

— Как замечательно ты придумал! — Аннак в восторге кинулся мне на шею. Он был готов плакать от счастья...

На другой день мы отправились на Журавлиное гнездовье с нашей рыжей подругой. Пока мы резали траву, она шумно паслась неподалёку. Надо сказать, моя идея решила сразу две задачи. Во-первых, мы больше не боялись шакалов, во-вторых, Аннаку меньше приходилось собирать травы. Потому что рыжая и сама вовсю старалась набить себе утробу.

Не забывали мы время от времени и в орагатды поиграть. Иногда выигрывал кучу-другую травы Аннак, иногда я. Порою, когда мы допоздна задерживались в Журавлином гнездовье, до нас доносились завывания шакалов. Но мы их нисколько не боялись. Потому что рядом с нами находилась наша отважная рыжая корова, наша тигрица, наша верная однорогая защитница. И потому-то, наверное, шакалья свора завывала только издали, боясь близко и нос показать.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ о том, друг я или не друг Аннаку, и о том, как я пытался доказать, что я самый верный его друг, и что из этого получилось

Однажды на сборе отряда речь зашла о дружбе. Здесь же присутствовал наш классный руководитель Торемурад-ага Таганов.

Ребята высказывались о дружбе, какой она должна быть и какой не должна. Потом поднимается Торемурад-ага и говорит:

— Всё это верно, ребята. Дружба — великое дело, одна из величайших ценностей человечества. Друг — это и помощник, и советчик, и опора в трудную минуту, а не просто товарищ во всяких играх и забавах. К сожалению, есть среди нас такие «друзья», которые только делают вид, что у них настоящая дружба, а на самом деле каждый из них занят сам собой, думает только о себе. Возьмём, к примеру, Меледже Караджаева. Сам он учится хорошо, можно сказать даже отлично, тогда как его друг Аннак Джуммиев, сосед по парте, постоянно плетётся в хвосте класса, из двоек не вылезает. Почему так получается? А потому, что так называемому его другу Меледже Караджаеву всё равно, как учится его друг. А вот если бы Меледже проявил истинную заботу о друге, помогал бы ему подтянуться, вёл бы за собой к вершинам знаний, разве ходил бы тогда наш общий товарищ Джуммиев в двоечниках?

— Нет, конечно! — раздалось со всех сторон.

— Отличником бы стал, как сам Караджаев!

— Да он бы горы свернул, ведь способный парень!

— Учёным бы стал!

Я молчал, низко опустив голову. Возразить было нечего. Аннака я, конечно, любил, но разве, любя его, помог ему когда-нибудь в учёбе, сказал хотя бы, чтоб малость подтянулся, а то, мол, нехорошо получается? Нет, не помог, не сказал. И потому мне вдвойне было горько, что меня не считают настоящим другом Аннака.

После собрания я отозвал Аннака в сторонку:

— Знаешь, мне очень хочется доказать им, что я твой настоящий друг.

— Ах вот оно что! Вы хотите помогать нам готовить уроки? — язвительно перебил меня Аннак. Понятно, это собрание обидело его не меньше, чем меня.— Нет уж, дудки! — продолжал Аннак.— Я и сам могу учиться, если захочу, не хуже некоторых других. Не дурак ведь!

— Но я хотел сказать совсем другое...

— А как докажешь им, что мы настоящие друзья? Будешь кричать на весь аул, как мы любим друг друга?

— Да тише ты! — дёрнул я его за рукав. Он уже и в самом деле орал на весь аул.— Послушай, что я надумал. Есть способ доказать им, что я твой настоящий друг. Ты ведь не умеешь плавать, верно?

Аннак покосился на меня, будто хотел понять, не собираются ли его снова поучать.

— Допустим. Ну и что?

— А вот что. Ты притворяешься, будто тонешь, а я спасу тебя. И тогда все увидят, какой я тебе верный и настоящий друг.

Аннак надолго задумался.

— А вдруг не сможешь вытащить из воды? — спросил он потом с сомнением.

— Как это не смогу?! — возмутился я.— Ты же знаешь, как я хорошо плаваю. Кто вытащил на твоих глазах вашего телёнка, когда он упал в воду? Я, Меледже. Так же вытащу и тебя. Только ты сам упади в воду и кричи: «Спасите! Помогите!» Остальное уж доверь мне.

Аннак какое-то время колебался, потом решительно направился к арыку:

— Пошли.

В это время года в арыке, который протекал неподалёку от нашей школы, было полно воды. Мутная, маслянистая, она бурно неслась, чуть не выплёскиваясь из берегов. Честно говоря, глядя на этот арык, я и сам немножко засомневался в своей затее, хотя, как уже говорил, плаваю я совсем недурно. Однако отступать уже было нельзя.

Я подвёл Аннака к шаткому мостику, перекинутому через арык.

— Только ты, Меледже, сразу кидайся на помощь. А то ведь я и утонуть могу.

— Конечно, конечно,— бодро сказал я. Но у меня уже не было прежней уверенности.

Аннак обречённо ступил на мостик, крепко зажмурил глаза, широко разинул рот, будто собирался вдохнуть в себя весь окружающий воздух, и, почему-то икнув, рухнул как подрубленный в воду. Раздался всплеск, словно в арык упал огромный камень.

Я готов был тут же прыгнуть в воду, едва покажется утопающий и начнёт звать на помощь. Но Аннак не всплывал на поверхность. Будто он, как и полагается большому камню, сразу пошёл ко дну. Я испугался.

— Аннак, эй, Аннакджан! — заметался я по берегу.

То ли он решил всё-таки отозваться на мой зов, то ли ему показа-

лось достаточным пребывание под водой, только наконец метрах в двадцати ниже по течению Аннак вынырнул. С его головы потоками лилась свинцовая вода, рот всё ещё был широко раскрыт, но не издавал ни звука. Видно, падая, Аннак забыл его закрыть.

Хотя крика о помощи и не последовало, я поспешно сбросил с себя пиджак, бегом догнал по берегу быстро уносящегося друга и прыгнул в воду. Схватил его под руку и стал подгребать. Но куда там! Аннак волчьей хваткой вцепился в меня, навалился всем телом. И я сам пошёл ко дну как топор, сразу хлебнув, наверное, целую бочку воды. Собрав силы, я рванулся к поверхности. Но Аннак всё крепче обнимал мою шею и, выпучив глаза, всё сильнее давил на меня. Весу в нём стало, кажется, на целую тонну больше. Тут уж я сам заорал что есть мо́чи:

— Спаси-ите-е! То-оне-ем!

На счастье, подоспели какие-то мальчишки, вытащили. Потом набежало ещё народу. Подняли нас за ноги и начали трясти. Из меня вытряхнули, наверное, целое ведро воды.

Мало этих мучений, мы ещё дрожмя дрожали после купания в ледяной воде.

Когда мы немного пришли в себя и смогли сесть, Торемурад-ага, который, конечно, оказался тут как тут, спросил:

— Как вы попали в арык?

— Аннак переходил через мостик,— начал я, помня наш уговор.— Но поскользнулся и упал в воду. Я, конечно, прыгнул на помощь. Аннак испугался и вцепился в меня. Чуть и меня не утащил на дно.

Учитель одобрительно похлопал меня по плечу:

— Молодец, Меледже! Ты рисковал жизнью, спасая друга! — Потом повернулся к Аннаку: — Ты никогда не должен забывать, Джуммиев, о самоотверженном поступке Меледже.

Но Аннак, оказывается, уже забыл наш уговор и вовсе не собирался восхищаться моим самоотверженным поступком.

— Да в-в-врёт он всё! — У него зуб на зуб не попадал.

Я делал ему всякие знаки, но он ноль внимания.

— В-в-врёт! Он сам подговорил м-меня упасть в воду. Чтобы потом самому же меня спасти...

Надо ли рассказывать, как я себя чувствовал, когда Аннак беспощадно разоблачил меня. Я готов был провалиться сквозь землю.

ГЛАВА ПЯТАЯ о том, какой урюк у тётушки Дурже и как она пыталась сделать нас тимуровцами

Аннак просунул голову к нам в дверь и крикнул:

— Меледже, пошли, тётушка Дурже зовёт.

— Дурже-эдже? — удивился я.— А зачем мы ей?

— Откуда я знаю? — пожал плечами Аннак.— Просто она сказала, чтобы мы с тобой зашли к ней. Да поскорее.

Я хотел ещё что-то сказать, но тут в разговор вмешалась мама. Она сидела у окна и подшивала подол отцовской рубахи. Вчера его наполовину сжевала Аннакова «тигрица». Она снова оборвала верёвку и на этот раз наведалась к нам во двор, где висело свежевыстиранное бельё.

— Вот заладил «что» да «как»! — сказала мама.— Зовут вас, значит, идите. Тем более старая, одинокая женщина зовёт. Может, ей какая помощь нужна? Вы уж не ждите, милые, пока вас попросят, сами помогайте старым людям.

Дом тётушки Дурже находился сразу за домом Аннака. Жила она совсем одна. Муж её, Хапбы́-ага, умер, когда нас ещё на свете не было. Но мы многое знали о нём от людей. Потому что в нашем ауле да и в окрестных селениях часто вспоминали его.

Хапбы-ага был слепым. В детстве он любил возиться с порохом, который однажды взорвался и выжег ему глаза. Когда он вырос, стал джигитом, ни одна из девушек не захотела выходить замуж за слепого. А Дурже-эдже, хотя и слыла тогда первой красавицей, пошла за него, ухаживала за ним, как за ребёнком. Хапбы-ага очень переживал, что не может работать, как все, помогать жене. И вот однажды взял он в руки дутар, ударил по струнам и запел, какая она добрая, хорошая, красивая, его жена Дурже. Говорят, голос у него был не сильный, но пел он от всей души так проникновенно, что люди заслушивались его. Так он стал бахши — певцом-сказителем. Его стали приглашать на тои, вначале в своём ауле, потом и в соседние селения. И стал Хапбы-ага приносить домой хоть небольшой, но свой заработок. Дурже-эдже сама снаряжала его в дорогу, сама же встречала на окраине аула.

Как-то в Арыкларе один уважаемый человек справлял свадьбу сына. Большая была свадьба, пышная. Народу понаехало отовсюду. Угощения было — ешь не хочу. Музыканты, танцоры, бахши выступали. И лучшим среди них признали нашего Хапбы-ага, подарили ему расшитый золотом шёлковый халат. О таком подарке слепой бахши и

мечтать не мог. Не усидел он на тое до конца, заспешил домой. Хотел быстрее вернуться к жене, порадовать её. Стояла холодная осень, шёл то дождь, то снег, дул ледяной ветер. Промок Хапбы-ага насквозь, окоченел, пока добрёл до дома. Лёг в постель и больше не поднимался, через несколько дней умер.

Была у Хапбы-ага и тётушки Дурже единственная дочь, звали её Овла́к. Она против желания тётушки уехала в город учиться да там и вышла замуж. С тех пор, поговаривали люди, и испортился характер Дурже-эдже. Правда, Овлак частенько наезжала домой, помогала матери чем могла, приводила дом и двор в порядок. Но тётушка Дурже и не нуждалась ни в чём, сама со всем справлялась. Если и страдала от чего, то, наверное, от одиночества. Работала эдже на колхозной птицеферме. Держала корову, двух-трёх овец, кур, ишака и даже кошку с собакой. На огороде — любые овощи. И фруктов всяких полно. Но она никого не угощала. А просить хмурую старуху мы просто боялись.

В этом году невиданный урожай принесло её урюковое дерево. Огромные плоды прямо гроздьями свисали с веток. За версту был слышен их сильный аромат. Учуешь, слюнки текут, мимо невозможно пройти. Мы так и ходили кругами возле этой урючины, но попросить тётушку угостить урюком не осмеливались. Вдруг она скажет: «А я вам должна, что ли? Вы сажали мне это дерево, ухаживали за ним, поливали?»

И вот возвращались мы как-то с Аннаком в полдень из школы очень голодные. А на пути, как назло, урючина Дурже-эдже, руками-листьями машет-манит. Сквозь них светятся жёлтые, краснобокие плоды, тоже зазывают: спешите, дескать, к нам, чего зря слюнки пускать.

Аннак осторожно огляделся по сторонам.

— Слушай, давай сорвём по нескольку штук.

— А вдруг тётушка увидит?

— Да как увидит, если она в это время всегда на ферме со своими курочками возится?

Эти слова и решили всё. Прячась за кусты, мы подкрались к урюковому дереву, взяли по голышу и метнули. Вниз дождём посыпались самые зрелые, самые сочные плоды. Падая, они разбивались, трескались и, смешиваясь с пылью и песком, разлетались в разные стороны.

Мы выбрали несколько более или менее целых плодов и съели.

— Слушай,— говорит вдруг Аннак, перестав жевать,— а зачем нам есть такой перезревший, грязный урюк? Лучше ведь прямо с ветки срывать, верно? Так ты полезай на дерево и кидай, а я буду ловить и заодно караулить тебя. Если появится хозяйка, дам тебе знать.

Мне не совсем понравилось, что он посылал на дерево меня.

— Нет уж, почему это я должен лезть? Давай лучше ты сам.

— Чудак, да если бы я умел, как ты, лазать по деревьям, разве просил бы тебя? Знаешь ведь, какой я ловкий: обязательно или шлёпнусь на землю, или зацеплюсь за сук, или ещё что-нибудь.

Что верно то верно. По деревьям, наверное, лучше бы лазила однорогая корова, чем её хозяин. К тому же, видно, похвала польстила мне: я вмиг взлетел на самый верх урючины. Аннак встал внизу, старательно, как фартук, вытянул перед собой подол рубахи. Я выбирал самые красивые, лучшие плоды и бросал их, прицелившись, в Аннаков передничек. Я так увлёкся, что позабыл обо всём на свете. А тут ещё увидел два сросшихся урюка. Они висели прямо над моей головой. Мама такие двойняшки называла счастливыми: будто бы кто их найдёт, тот всегда будет здоровым, сильным, смелым и везучим. А кому не хочется быть таким?

Наконец я дотянулся до счастливой двойняшки, сорвал... и услышал, что внизу кто-то ойкнул. Я глянул вниз и обомлел. Тётушка Дурже крепко держала Аннака за ухо и ещё приложила палец к губам: ни звука, мол, хочу поймать и дружка твоего.

У меня враз затряслись коленки, нога соскользнула, и я повис на дереве, держась руками за ветку.

— Ну, воришки, попались? — крикнула Дурже-эдже, глядя вверх, на меня, и не выпуская Аннакова уха.— Деймуровцами[1] называетесь, а сами что натворили, поглядите, сколько плодов сгубили!

Потом обратилась ко мне:

— Слезай, говорю тебе! Не виси, будто вырос на этом дереве вместе с урюком.

Я понимал: стоит спуститься, как и моё ухо окажется в руке тётушки Дурже.

— Не слезу.— Я начал карабкаться вверх.

Видно, старуха не просто держала Аннаково ухо, но и покручивала его иногда: Аннак, ойкнув, взмолился вдруг:

— Прошу тебя, Меледже, слезай, пожалуйста! А ну Дурже-эдже и до утра не сдвинется с места?

— Я и до послезавтра не уйду, коли он не спустится,— уверила тётушка.

Аннак, кажется, решил помочь старушке советом:

— А вы, Дурже-эдже, покидайте в него камнями. Получит пару раз — мигом слезет.

[1] Тётушка не умеет правильно сказать «тимуровцы».

— Смотрите, какой умненький! Ты хочешь, чтобы я камнями весь урюк посшибала? Мало вы перетоптали! — В гневе, видать, тётушка сильнее крутанула ухо Аннака.

— Ой-ёй-ёй, Меледже, друг, слезай поскорее, не то мне конец! — завопил он во всё горло.

Больше я не мог слышать его стонов.

Едва ноги мои коснулись земли, Дурже-эдже отпустила Аннака и потянулась ко мне. Я увернулся. Но тётушка успела так шлёпнуть меня своей молниеносной рукою, что до сих пор то место всегда начинает болеть, как только вижу хоть издали Дурже-эдже.

...И вот, оказывается, теперь она сама нас кличет.

Когда мы пришли, соседка сидела на кошме возле дома и резала на мелкие куски дынную кожуру.

— Аннакджан, Меледже! — пропела она нежным голосом. — Заходите, дорогие мои! Давненько я вас не видала, куда это вы исчезли?

Дурже-эдже встретила нас так, будто мы каждый день наведывались к ней и вдруг вот, в последнее время, перестали захаживать.

А мы обходили её дом стороной ещё с лета, после того случая с урюком.

— Мы бы зашли, да вот ухо не пускает, — улыбнулся Аннак, подмигнув мне.

— Ох и шутник ты, Аннакджан, — смутилась тётушка. — Ладно уж, кто старое помянет... Вот созреет урюк в будущем году, приходите, вволю угощу. Берите, ешьте дыню. Этот сорт называется каррыгыз.

Дурже-эдже дала нам по ломтю дыни, которая от долгого хранения местами потемнела и подгнила.

— Бабушка Дурже, а нет ли другой, получше? — покосился Аннак на сарай, в котором, мы знали, обычно хранились дыни.

— Ах, Аннакджан, дыни-то уже кончились. А что остались, видите, попортились. Есть-то у меня некому... — Дурже-эдже вздохнула. — Всё ждала дочку с внучатами, не приехали...

Помолчав, она вдруг спросила, но уже прежним, хитроватым голосом:

— Дети мои, вы ведь деймуровцы, верно?

— Не деймуровцы, бабушка, а тимуровцы, — поправил я. — А что, вам дров натаскать надо?

— Что ты, милый, разве дала бы я вам делать такую тяжёлую работу? У меня к вам другая просьба. Лёгкая. Притом выгодная.

— Да? — заинтересовался Аннак.

Дурже-эдже взяла наши недоеденные ломти дыни и стала крошить их в таз.

— Скормлю барашкам,— пояснила она.— Добро не должно пропадать.

— Какая просьба, бабушка? — нетерпеливо спросил Аннак. Видно, тётушкины слова заинтересовали его.

Дурже-эдже ответила не сразу, словно испытывая наше терпение. Наконец сказала:

— Я хотела попросить вас, чтобы вы продали яички.

— Где? В городе? — У Аннака округлились глаза.

Дурже-эдже посыпала нарезанную кожуру отрубями.

— Да нет, разве погоню я вас в такую даль? В город уж как-нибудь я сама. Вы видели, за свинофермой коровник строится? Там много приезжих работает. Столовой-то у нас в ауле нет, яйца рабочим были бы очень кстати. Вот вы и отнесите им яйца. Уж куры мои несутся, тьфу-тьфу, не сглазить! В день по тридцать — сорок штук набирается! Продадите, я вам на кино денег дам. Я бы сама продавала, да разве с фермы уйдёшь хоть на полчаса?

Я засомневался: а справимся ли? Но Аннак горячо зашептал мне на ухо: «Давай возьмёмся! Что нам стоит? Зато не будем каждый раз клянчить дома деньги на кино!»

— Ладно, мы согласны.

— Ах, какие вы молодцы, мои детки! Я сейчас, минуточку!

Дурже-эдже легко вскочила на ноги и вошла в дом. Немного погодя она вынесла из дому две большие кастрюли, к ручкам которых были привязаны верёвочки-держалки.

— В каждой из них по тридцать яиц. Просите за штуку десять копеек. Только смотрите не разбейте по дороге.

Осторожно ступая, точно несли воду и боялись расплескать, шли мы на стройку.

Первым заметил нас высокий светловолосый мужчина с голубыми глазами. Он катил перед собой тележку с цементным раствором.

— Эй, ребята, вы не чал[1] принесли?

— Нет, мы яйца принесли продавать.

— Ай, молодцы! — похвалил нас старый каменщик, с головой, повязанной старым платком.— Ну-ка, дайте полтора десятка.

Тут ещё набежало народу:

— Мне десяток.

---

[1] Чал — напиток из заквашенного верблюжьего молока.

— Эй, берите поменьше, чтобы и нам досталось.

Мы вмиг распродали все яички. Нас попросили завтра ещё принести. Рабочие, оказывается, домой не ездят, ночуют прямо на стройке. Яйца на ужин — им в самый раз.

Довольные, мы неслись домой как на крыльях. Тётушка Дурже тоже была очень рада:

— Молодцы, мои деточки. Но кажется, мы немного продешевили. Послезавтра по пятнадцать копеек будете продавать. Ничего, купят. А сейчас идите, гуляйте. Как говорится, кончил дело — гуляй смело.

— Да, смело, а деньги на кино? — удивился Аннак.

— Сейчас у меня нет мелочи. Потом сразу всё получите.

Не солоно хлебавши мы поплелись домой.

Едва тётушкины курочки наполнили кастрюли, мы опять понесли яйца рабочим. Вначале они поворчали, мол, дороговато по пятнадцать копеек, но потом всё раскупили. А у Дурже-эдже опять не оказалось мелочи на кино.

— Не беспокойтесь, детки мои, я с вами обязательно рассчитаюсь.

Аннак разозлился:

— Не дашь на кино — не будем продавать твои яйца.

— А не будете продавать — ни копейки не получите! — отрезала тётушка.

Пришлось идти на стройку в третий раз: очень уж не хотелось нам терять честно заработанные деньги.

В тот день рабочие встретили нас как-то странно, почти не разговаривали с нами. И тут вдруг видим, идёт нам навстречу сам председатель колхоза, Клыч-ага.

— Что у вас в кастрюлях? — строго спросил он.

— Яйца.

— Зачем вы их притащили сюда?

— Продавать.

— Так это вы спекулируете яйцами? — грозно нахмурился Клыч-ага. — С каких пор ваши родители так обеднели, что посылают ребят торговать?

— Клыч-ага, но ведь это не наши яйца!

— Чьи же?

— Тётушка Дурже просила продать...

— Тётушка Дурже? — удивлённо переспросил Клыч-ага, некоторое время молчал, потом сказал: — Ну что ж, идите, все вас вон ждут.

Оказалось, никто нас и не ждёт: колхоз открыл ларёк для строителей и стал продавать им разные продукты.

Мы как побитые побрели домой, таща тяжёлые кастрюли.

— Даст она теперь нам на кино, как же! — воскликнул Аннак с горечью.

— Она тебе яичницу сделает в благодарность за твои труды,— съязвил я, помня, что именно Аннак впутал меня в это дело, а не кто-нибудь.

Неожиданно, будто в отместку за ехидство, я споткнулся на ровном месте и плашмя растянулся на земле. Кастрюля тоже, разумеется, грохнулась...

Когда я встал и поднял крышку, то увидел не яйца, а сплошное жёлто-белое месиво.

— Твоя яичница уже готова! — засмеялся Аннак.— Глаз у тебя нет, что ли? На ровной дороге спотыкаешься! Гляди, я могу пройти с закрытыми глазами, и ни одно яичко даже не шелохнётся в кастрюле.

Он закрыл глаза, вытянул руку и пошёл, пошёл. Красиво так, как циркач по канату. Но вдруг одна нога его зацепилась за другую, и они, то есть и Аннак и кастрюля, шмякнулись оземь.

— Твоя яичница тоже готова! — улыбнулся я.

Аннак поднялся, плюясь пылью и песком, набившимися в рот.

— Ладно тебе. Нашёл время веселиться. Ты лучше подумай, что мы теперь скажем Дурже-эдже?

Об этом, правда, я ещё не думал.

Подавленные, добрели мы до дома тётушки Дурже. Она полулежала на двух высоких подушках в комнате и, шумно прихлёбывая, пила чай.

— Ой, мои милые, вернулись, да так скоро!

Мы молча поставили свои кастрюли у порога и, резко повернувшись, дали дёру.

Вслед нам неслись громкие крики тётушки Дурже:

— Почему же вы деньги не отдаёте? Я хотела расплатиться с вами после, когда вы хорошенько поторгуете. Ах, разбойники, вы же, оказывается, все яички поколотили!

И опять мы долго обходили дом тётушки далеко стороной. Не ладились у нас с ней отношения, и всё тут.

ГЛАВА ШЕСТАЯ о том, что такое фаэтон, и о том, умеют ли «нынешние» ездить на нём

Наш колхозный почтальон Нунна́-ага развозил почту на какой-то чудной двухколёсной арбе. Говорят, в былые времена она называлась фаэтоном. Его выдали Нунна-ага ещё сразу после войны. С тех пор старик и не слезал с него. Пуще зеницы ока берёг он свою колымагу. Одно название, что фаэтон. Колёса болтаются на оси, готовы вот-вот соскочить, сиденье проваливается, доски кузова потрескались, почернели. Фаэтон этот так скрипел, что за версту было слышно, кто по дороге едет.

Но Нунна-ага очень любил свою арбу. Говорил, ни на какую новомодную машину не променяет. Когда у него бывало хорошее настроение, подсаживал нас к себе. Мы не раз просили Нунну-ага дать нам самим хоть разок прокатиться на этом самом фаэтоне, он никак не соглашался. Говорил, телега старая, да конь молодой и горячий, не сможем мы им управлять, запросто развалим фаэтон.

Однажды сидели мы с Аннаком в нашем винограднике, изнывая от скуки, вдруг слышим скрип: Нунна-ага едет! Минут через десять и фаэтон показался. Нунна-ага подрулил к нашему дому, подал мне газеты.

— Сынок, есть дома кто? — спрашивает, утирая со лба пот. Узнав, что никого, говорит, жаль, очень чайку хотелось выпить, из города, мол, едет, жажда одолела.

— А вы заходите в дом,— отвечаю я.— Там как раз чай стоит. Мама заварила, а нам вовсе не хочется пить горячее в такую жару. Заходите и пейте.

Нунна-ага привязал чёрную кобылу к высокому металлическому колу возле сарая, кинул ей охапку люцерны.

— Присмотрите за лошадью, ребята, пока меня не будет. Не дай бог отвяжется — не угонишься. Огонь, а не конь.

Едва Нунна-ага вошёл в дом, Аннак говорит:

— Давай покатаемся.

Я с тревогой взглянул на кобылицу. Она упруго била копытом землю, хлестала себя хвостом и, всхрапывая, жадно хрумкала люцерну.

— А вдруг понесёт?

Аннак снисходительно усмехнулся:

— Ну и трус же ты, Меледже! Куда она понесёт, если мы держим

поводья? Или мы уже и не внуки лихих наездников? Не бойся, лошадью буду править я сам, а ты только сиди да держись покрепче.

— Ну, если так...

Аннак осторожно подкрался к лошади, отвязал её, махнул мне рукой: давай, мол, садись.

Весь дрожа, я взобрался на фаэтон. Аннак одним прыжком взлетел наверх и плюхнулся рядом со мной, дёрнул поводья:

— Но-о, коняга, чу-ув!

Как только кобылица тронулась с места, фаэтон отчаянно заскрипел, будто призывая хозяина на помощь. Видно, Нунна-ага и услышал этот зов, выскочил на улицу. Мы были уже метрах в десяти-пятнадцати от дома.

— Остановитесь, озорники! Стойте!

Нунна-ага почти догнал нас, потому что кобылица шла неторопливым, размеренным шагом. Но тут Аннак изо всей силы хлестнул кобылицу. Она вздрогнула, будто удивляясь наглости седока, да ка-а-ак рванёт! Всё закружилось, замельтешило у меня перед глазами. Скрип колёс слился в однообразный, тягучий вой. С испугу Аннак тянул к себе поводья, но кобыла не только не сбавляла бег, а наоборот, набирала скорость.

— Да помоги же! — заорал Аннак.

Держась одной рукой за борт коляски, второй я вцепился в поводья. Кобылица этого, конечно, и не почуяла.

На ухабистой дороге нас так трясло и подбрасывало, что стучали зубы. Того и гляди, вывалишься из коляски.

Вдруг у меня больно закололо в животе.

— Останови-и, не могу больше! — простонал я.

Арба с таким грохотом и громом неслась по улице, что люди выскакивали из домов, побросав дела, и некоторое время бежали за нами, надеясь остановить лошадь, потом отставали. Разве такую догонишь?! А мы неслись дальше, окутанные клубами пыли, поднимавшейся из-под копыт и колёс.

Вдруг фаэтон качнуло влево, потом вправо, одно колесо соскочило с оси и покатилось, обгоняя лошадь, а другое разлетелось на куски. Какое-то время кобылица тащила коляску, как сани, потом остановилась.

Я взглянул на Аннака. Скрючившись, он сидел с закрытыми глазами. Я похлопал его по плечу:

— Слезай, потомок наездников, приехали.

Аннак открыл глаза и слез с фаэтона, держась за бок. Видно, у него тоже начались колики в животе.

К нам бежал народ. Впереди всех нёсся Нунна-ага, с непокрытой головой, босой.

— Я же предупреждал вас!..— сказал он, тяжело дыша, и, не останавливаясь, обежал вокруг арбы.— Всё, сгубили фаэтон...

Мы стояли и ждали, что Нунна-ага закричит на нас, а то и подзатыльников надаёт. Но мы для него не существовали. Нунна-ага был занят фаэтоном. Распрягал кобылицу, рассматривал остатки колеса, заглядывал под дно кузова, трогал борта.

Послышался сигнал машины. Это подъехал со стороны песков председатель колхоза Клыч-ага.

— Что случилось? — крикнул он, резко останавливая «газик».

Мы были ни живы ни мертвы. Клыч-ага — это тебе не наш старенький добрый почтальон!

— Да эти шайтанята угнали фаэтон...— кивнул Нунна-ага в нашу сторону.— И вот результат... Хорошо, хоть сами целы. Они же, нынешние, и поводья держать в руках не умеют! Им всё подавай моторы, моторы!..

Клыч-ага нерешительно кашлянул:

— Не расстраивайся, Нунна-ага.— Потом повернулся к нам: — А вам бы следовало всыпать хорошенько за то, что взяли фаэтон без спроса... Но, как говорится, нет худа без добра. Эта развалина давно своё отслужила. Я боялся, Нунна-ага, как бы она однажды сама не рассыпалась под тобою и не покалечила тебя. Сколько просил забрать мотоцикл, который специально выписали для тебя? Он всё ещё стоит на складе. Отличная машина, с коляской...

— Что ж, придётся, наверное...— обречённо ответил Нунна-ага.

Странный человек, другой бы на его месте в пляс пустился, прыгал до небес от счастья, а он...

— А ребят ты не очень-то ругай, Нунна-ага. По лицам их видно, как они перепуганы. В другой раз не будут озоровать, верно?

Мы с готовностью кивнули.

— Что ж теперь поделать...— тихо сказал Нунна-ага.— Так, наверное, и суждено было случиться... Берите почту, негодники, и разнесите людям. И поскорее с глаз долой, не то могу и камчой[1] огреть, наездники!..

Схватив тяжеленную сумку, мы помчались в аул. В тот вечер мы разносили по домам газеты и журналы. И в каждом нас спрашивали насмешливо: «Ну как, хорошо прокатились на фаэтоне?»

---

[1] Камча́ — плеть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ о том, что значит быть «детьми до шестнадцати лет», и о том, что получается, если ты хочешь стать немного постарше...

В тот день мы с Аннаком были свободны. Подумали, подумали и решили съездить в город посмотреть кино. Одни мы там ещё не бывали — или со всем классом, или с кем из взрослых. Очередь в кассу три раза обвивала здание кинотеатра. Видно, мировой показывали фильм. Я поинтересовался у парня в соломенной шляпе, который был последним в очереди, не про войну ли картина.

— Э, брат, и стрельба там есть, и драки, и любовь, конечно,— сообщил нам Шляпа.— Я уже смотрел её вчера, теперь вот снова собрался.

У нас с Аннаком прямо-таки глаза разгорелись. Про любовь неинтересно, а вот стрельба, драки, погоня!..

Аннак вынул из кармана полтинник, сунул мне:

— Беги купи билеты.

Стоять в очереди не имело никакого смысла. Билеты могли вот-вот кончиться. Я юркнул между людей и буравчиком полез к кассе. Меня, правда, толкали, зажимали, щипали, но я всё же пробился. Иногда и маленьким быть хорошо, да.

Я сунул деньги в окошко:

— Нам с Аннаком билеты.

— Аннак — такой же мальчик, как ты?

Я не понял, к чему был задан этот вопрос. Потому ответил:

— Ну да, какой же ещё? Мы с ним в одном классе учимся. Только он потолще.

Кассирша сняла очки, посмотрела на меня, потом снова нацепила их и улыбнулась:

— Мальчик, когда покупаешь билеты, вовсе не обязательно называть имя товарища, с которым идёшь в кино. Достаточно сказать, сколько надо билетов.

— Понятно. Дайте два билета. Нам с Аннаком.

— Не дам.

— Почему?

— А потому, что дети до шестнадцати лет на этот фильм не допускаются.

Тут заволновалась-занервничала очередь:

— Долго ты там будешь торчать?

— Влез без очереди да ещё лясы точит!
— Не задерживай людей, мальчик!
Меня тотчас вытолкали из очереди.
— Купил? — встретил меня Аннак. Рот до ушей — сейчас он будет смотреть стрельбу, погони и драки!
— Нет,— пожал я плечами.— Кассирша говорит, что дети до шестнадцати лет на этот фильм не допускаются.
— Ну и растяпа ты. Не мог сказать, что тебе уже семнадцатый!
Выхватив из моих рук деньги, Аннак исчез в толпе. Через несколько минут раздался его голос, изменённый до неузнаваемости:
— Два билета, пожалуйста.
Вопроса кассирши я не слышал, но что Аннак ответил: «тридцать!», услышал очень даже ясно. Ещё я услышал хохот толпы и видел, как Аннак на мой манер пробкой вылетел из очереди.
— Ну, народ! — свирепо качал головой злой-презлой Аннак.—
— Я не я буду, если не посмотрю этот фильм. «До шестнадцати лет»! Тоже придумали!..
Он резко повернулся и почти бегом пошёл прочь. Я с трудом догнал его.

— Знаешь, что мы сделаем? — вдруг остановился Аннак. На его лице и следа не осталось от недавней злости.— Завтра мы придём сюда стариками. Пусть попробуют не пустить.

Вернувшись домой, мы весь день только тем и занимались, что готовились к завтрашнему походу в кино. Изготовили накладные усы и бороды, достали стариковские ичиги[1] с кавушами[2], нашли старые отцовские папахи. Аннак раздобыл где-то даже очки без стёкол. И вот наутро мы снова отправились в путь. Не доходя до кинотеатра, вошли в какой-то двор, надели халаты, заправили брюки в ичиги, водрузили на головы папахи, приладили усы и бороды, потом придирчиво оглядели друг друга. И верно, похожи стали на стариков. Правда, ростом маловаты, но разве не бывают такие низенькие, щупленькие старички?

— Не скачи, как козёл тётушки Дурже, иди степенно, опустив голову,— наказывал мне Аннак.— И сутулься малость... слегка покашливай.

Когда мы подошли, у кассы, не в пример вчерашнему, было свободно. Аннак встал сбоку окошка, чтобы была видна только часть лица с бородой, и прохрипел, подражая старческому голосу:

— Дай-ка, доченька, два билета.

Я с волнением ждал. А кассирша — ничего, протянула Аннаку два синеньких билета, и всё.

У входа нам, однако, опять стало не по себе. В фойе было полным-полно ребят нашего возраста и постарше и ни одного взрослого!

Аннаку бы помолчать, а он возьми да возмутись:

— Кто напустил сюда мелюзгу?

Контролёрша как-то странно взглянула на него, перевела взгляд на меня, потом громко расхохоталась, подняв лицо к потолку.

— Эх вы, старички, стоило вам трудиться? Сегодня вы попали как раз на детский фильм. Проходите, почтенные!

— А где вчерашний, на который дети до шестнадцати лет не допускаются? — не унимался Аннак.

— Вчера он шёл последний день.

— А когда он ещё будет?

— Когда бы ни был, вы его не увидите,— отрезала контролёрша.— Хоть старухами нарядитесь.

Не сговариваясь, мы молча повернулись и зашагали прочь. Не хватало ещё, чтоб в кинотеатре нам детишки бороды щипали.

---

[1] Ичиги — сапожки без твёрдого задника и каблука, с мягкой подошвой.

[2] Кавуши — кожаные калоши с низким задником.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ о том, что тётушка Дурже всё не унимается, и о том, как мы закалялись и что из этого вышло

Наступили зимние каникулы. Полугодие мы закончили хорошо. У Аннака по всем предметам вышли тройки — успех, да и только! Мы ведь теперь вместе учили уроки, Аннак и сам старался, чтоб учителя не думали, будто у него совсем пустая голова.

Времени у нас было полно: играй сколько хочешь, гуляй где хочешь (тем более что за травой не нужно ходить!). Только вот на улицу и носа не высунешь. Крепкие морозы стояли. И снег лежал по колено.

Мы с Аннаком целыми днями сидели дома, у печки. Рассказывали друг другу разные истории, читали, боролись, играли в шахматы. И всё время ждали, когда же потеплеет. Эти четыре стены нам так надоели, что дальше некуда.

Сидим однажды скучные, вздыхаем, вдруг открывается дверь и в комнату вместе с облаком пара вваливается — кто бы вы думали? — сама Дурже-эдже. Вошла — и сразу к печке, прямо руки засунула в неё. Оттаяла малость, тогда и заговорила:

— Аю, мои славные деймуровцы! Я к вам с просьбой пришла. Нарубите мне, джигиты, немного дров. А то те, что вы до холодов мне заготовили, давно уже кончились.

Признаться, не очень-то пришлась нам по душе её просьба.

— Бабушка Дурже, если у тебя холодно, то сиди с нами. Видишь, как тут тепло! И дров для топки полно. С тобой и нам будет веселее.

— Ах, Аннакджан, не говори глупостей. Как я могу дать остыть своему очагу?! Ну, собирайтесь, детки, покажите, какие вы славные деймуровцы! А чтоб вам не долго возиться, прихватите с собой и свой топор. Двумя-то дело веселее пойдёт!

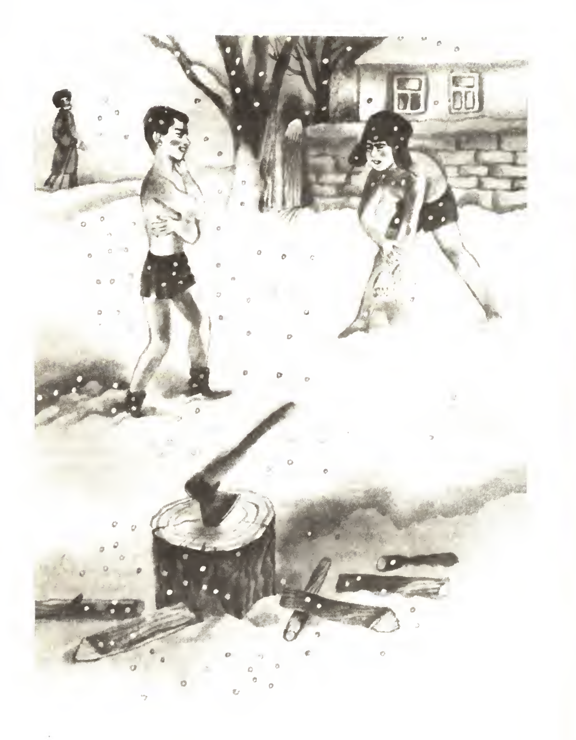
После её ухода Аннак обречённо покачал головой:

— Конца не видать этим её просьбам! Откажешься — будет ходить везде да позорить: вот, мол, тимуровцы, а не помогают одинокой, немощной старухе. Нет, уж если делать добро — так до конца! Заодно и свежим воздухом подышим. Сто лет неба над головой не видали!

Взяли мы топор и направились к Дурже-эдже. Тётушка показала нам два толстых сучковатых пня финикового дерева.

— Разру́бите, батыры, вот эти пенёчки — и ладно. Работы тут на пять минут. А я вас потом чаем с вареньем угощу.

— Бабушка Дурже, вон же полно дров! — Аннак увидел нетронутую поленницу у стены сарая.— И топила бы ими печку.

— Бог с тобой, сынок,— ответила старуха, зябко ёжась.— Это саксаул, мой милый. Он для растопки надобен. Ну, работайте, молодцы, я пойду в дом, не то, боюсь, опять ревматизм разыграется.

Мы подступили к «пенёчкам». Топор со звоном отскакивал от окаменевшего на морозе дерева. Свирепый ветер пронизывал до костей. Топорище выскальзывало из рук.

— Я, пожалуй, пойду домой, Аннак,— проговорил я, стуча зубами.— Совсем замёрз что-то...

Аннак со злостью отшвырнул топор.

— Ах, какие мы нежненькие, ах, мы замёрзли! Ты думаешь, я не замёрз? Но я терплю! И ты терпи. Мы должны показать тётушке, что мы выносливые, не боимся никаких морозов!

— Но мне и вправду холодно, Аннак!

Мой друг на минутку задумался, глядя на меня, потом поспешно скинул с себя всю одежду, оставшись в одних трусах. Я даже ахнуть не успел.

— Сейчас нам никакой мороз не страшен будет! Раздевайся ты тоже! — Он начал бегать по двору, подпрыгивая, хватая снег пригоршнями и натирая им тело.— Давай, давай, смелее, штаны тоже сними!— командовал он на ходу.— А теперь бего-ом марш! И снегом растирайся, снегом! Видишь, я уже весь закалился, мороза даже не чувствую!

Ну, я и разделся и забегал как дурак по двору, растираясь снегом. Тело щипало, горело огнём. Из глаз брызнули слёзы.

— Аннакджан, может, хватит, закалились уже? — взмолился я.

— Давай, давай! — был ответ.— Жми!

Из двери дома высунулась Дурже-эдже.

— Вах, да вы совсем очумели?! — завопила она.— Я вас сюда играть звала? Давайте рубите дрова, коли пришли!

Она, кажется, и не заметила, что мы в одних трусах. Решила, верно, что тимуровцам так и положено.

— Сейчас, бабушка, погреемся ещё немного и нарубим тебе дров!— крикнул Аннак, как угорелый носясь по двору. Хоть и хорохорился, но видно было, что он тоже терпел эту пытку из последних сил. Лицо красное, как свёкла, губы посинели, уши прямо-таки стоп-сигналами светились.

— Не могу больше! — заорал я и пулей устремился домой.

— Ах, какой нежный! — Аннак помчался за мной, вернее, чуть-чуть впереди меня. Так и влетели в дом почти одновременно.

Аннака тоже трясло, но надо отдать ему должное: прежде всего

он начал ухаживать за мной. Уложил в постель и сверху накидал кучу тёплых одеял. Расшуровал печку так, что она загудела, как паровоз. А я всё равно не мог согреться. Меня всего колотило.

Я начал тихонько стонать.

— Да перестань ты, ей-богу, как маленький! — говорил Аннак.— Ты думаешь, я не замёрз? Но я ведь терплю! Стиснул зубы и терплю. И ты потерпи, будь мужчиной, сейчас согреешься.

Я свернулся калачиком, обхватил себя руками. И правда, почувствовал, как по телу разливается тепло, делается всё теплее, теплее, а потом уж и вовсе стало жарко. В голове застучало, перед глазами запрыгали какие-то чёрные точки. Я стал сбрасывать одеяла и вдруг обнаружил, что у моей постели сидит Дурже-эдже.

— Не пойду я рубить твои пни! — крикнул я.— В такую холодину!

— Я не Дурже-эдже, я Аннак,— попыталась старуха обмануть меня.— Твой друг Аннак.

— Ну да! Будто не вижу. Вон у тебя и глаза слезятся.

— И вовсе не слезятся. Хочешь, потрогай! — заорала старуха Аннаковым голосом, но я ей всё равно не поверил.

Глаза у меня стали слипаться, и я провалился в тяжёлый сон.

Не знаю, сколько спал. Когда же проснулся, то увидел, что нахожусь не дома, а в больничной палате. В горле першило. Я закашлялся:

— Кхе-кхе...

И вдруг на соседней койке тоже кто-то закашлялся:

— Кха-кха...

— Кхе-кхе...— кашлянул я.

— Кха-кха...— ответили мне.

— Эй, чего дразнишься? — прохрипел я.— Думаешь, я нарочно?

— И я не нарочно кашляю, ов! Кха-кха...

Я повернулся к соседу. Это был Аннак.

— Стисни зубы и терпи,— сказал я ему.— Я ведь терплю, кхе-кхе... Будь мужчиной, скоро поправишься...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ о том, есть ли джейраны в Джеренли, и о том, кто такие браконьеры

На каникулах Торемурад-ага, как правило, водил нас на экскурсии по родному краю. Перед этим он непременно устраивал, как сам говорил, разъяснительную беседу. Вначале рассказывал о жизни и деятельности разных знаменитых путешественников, потом описывал места, куда мы пойдём, их историю. В конце пояснял, как мы должны вести себя во время экскурсии.

Начались весенние каникулы. Торемурад-ага рассказал о кругосветном путешествии Магеллана, и мы сделали вывод, что завтра пойдём на экскурсию. Так оно и оказалось.

— У кого есть вопросы? — спросил Торемурад-ага, заканчивая вступление.

Аннак с шумом встал с места:

— У меня. Скажите, товарищ учитель, вот вы говорили, что Магеллан весь свет объездил. Значит, он мог посетить и наш аул?

Класс дружно засмеялся, ожидая потехи. Учитель тоже улыбнулся.

— Чего вы смеётесь? — обиделся Аннак.— А чем хуже наш аул всяких там Америк?

Учитель постучал карандашом по столу.

— Тише, ребята. Джуммиев, ты разве так и не понял, что Магеллан был мореплавателем и посещал лишь те края, до которых можно было добраться морем?

Аннак сел, почесав затылок. Но тут же опять поднялся:

— А куда мы отправимся на каникулах? Опять в Наги́м-калу?[1]

— Что значит «опять»? Нагим-калу можно изучать всю жизнь, и всё равно будет мало,— наставительно сказал учитель.— Там каждый камень, каждый кусок глины — сама седая история.

— А давайте на этот раз пойдём в Джеренли́,— предложил Аннак.

— Это очень далеко. Нужно на машине ехать. А в колхозе не хватает машин.

— Но ведь можно и на ишаках.

Все опять засмеялись.

— Вот и поезжай на ишаке.— И учитель повернулся к классу:— Значит, завтра собираемся в девять ноль-ноль у школы. Не забудьте прихватить с собой еду. Одевайтесь полегче. Идти придётся пешком, путь неблизкий.

[1] Кала́ — крепость.

Аннак вышел из класса тёмный, как осенняя туча.

— Так я и пошёл в эту Нагим-калу! — бормотал он по пути домой.— Чего там смотреть — одни развалины! Виданы-перевиданы! То ли дело Джеренли? Ты только вслушайся: Джеренли — «Джейраньи места»!

Мы с Аннаком давно уже были наслышаны о Джеренли. Говорили, что там трава растёт взрослому человеку по пояс, а мальчишки вроде нас и вовсе потеряться могут. И в этих травах ходят-бродят бесчисленные стада диких оленей — джейранов. Отец Аннака, Джумми-ага, пас там колхозных овец. Мы бы, конечно, давно побывали в Джеренли, но он теперь работает в колхозной кузне.

— Поедешь со мной? — остановился вдруг Аннак.— Торемурад-ага ведь сказал: «Поезжай сам!»

— А мы не заблудимся?

— Чудак-человек! Не помнишь, как папа объяснял, ов? Надо пройти Нагим-калу и всё время идти на восток. Там тебе и будет Джеренли.

Мои сомнения тут же улетучились.

— Я пойду с тобой, Аннак.

Его глаза радостно засверкали:

— Я знал, что ты не оставишь меня одного, дружище! Значит, договорились. Завтра в шесть ноль-ноль я буду ждать тебя возле Еккету́та. Только никому ни слова, а то не отпустят.

Вечер я провёл в тайных сборах. Набил всякими припасами хурджун[1], несколько раз покормил ишака, чтоб набрался сил перед трудной дорогой, и, перед тем как лечь спать, оседлал его. Никто из домашних не заметил моих приготовлений.

Утром я поднялся с петухами. В доме все крепко спали. Я тихонько вылез из-под одеяла и кошачьим, неслышным шагом пробрался в сарай, где стоял ишак. Он был наготове: осёдлан, сыт. Увидев меня, хотел было заорать приветствие, но я поспешно зажал ему нос. Он сразу опустил уши и успокоился.

Я вынул хурджун, который спрятал вечером в стоге сена, перекинул на спину ишака, уселся сам и помчался к Еккетуту.

Еккетут, что значит «Одинокий тутовник», находился на северной окраине нашего аула. До него было с полкилометра пути. А громкоговоритель на столбе уже начал передавать утреннюю передачу. Неужели опоздал?

Я быстрее погнал ишака, который, бедняга, и так шёл иноходью. Вдали показался Еккетут. Однако под ним не было видно ни Анна-

---

[1] Хурджу́н — перемётная сума.

ка, ни его ишака. «Неужели не пришёл? — с тревогой подумал я.— Или без меня тронулся в путь?»

— Аннак! — крикнул я. Мне никто не отозвался.— Аннак!

Послышался стук копыт. Обернувшись, я увидел друга. И белую ослицу тётушки Дурже сразу узнал. «Зачем он взял эту хитрую и упрямую скотину?» — удивился я.

Аннак объяснил, что случилось. Отвязав своего ишака, он вдруг нечаянно выпустил недоуздок. Осёл кинулся бежать. Долго гонялся за ним Аннак, но так и не поймал. Делать нечего, пришлось без спроса взять ослицу у Дурже-эдже.

Солнце уже сияло вовсю, когда мы достигли крепости Нагим-кала. Дальше простиралась бескрайняя степь. Сверкали капельки росы на травах. Мне вдруг захотелось петь и резвиться.

— Давай, Аннак, наперегонки?

— Нельзя,— рассудительно ответил он.— Ишаки устанут.

— Устанут — сделаем привал, дадим им отдохнуть.

— Привалов не будет,— жёстко отрезал Аннак.— У нас мало времени. Когда домой вернёмся, если будем отдыхать под каждым кустом?

— А если захотим есть?

— А что, на ходу нельзя поесть, ов? — Аннак вынул из хурджуна лепёшку, откусил и начал жевать, показывая на деле, как мы будем завтракать, обедать и, может быть, даже ужинать.

— Мы-то поедим, а вот как ишаки?

— Вечером они ели? Ели. Хватит с них. Денёк потерпят, а потом и привыкнут. Нам нельзя терять время, Меледже, иначе никакого Джеренли мы не увидим!

Аннак был прав. И мы весь день проехали, ни на минуту не останавливая животных. Вечером, когда наконец спешились для привала, ноги не держали, так и подгибались в коленках. Тело болело, словно его целый день били и мяли в ступе. У ишаков уныло повисли уши.

Едва передвигая ноги, мы развели костёр. Разложили еду, но не смогли и по куску проглотить. Сон сморил нас.

Разбудили меня горькие причитания Аннака:

— О-о, что теперь делать? А-ай, плохи наши дела-а!

— Что случилось? — вскочил я испуганно. Сна как не бывало.

— Мой ишак исчез.

— Твой ишак?

— Да... ну ослица тётушки Дурже. Нет её...

Я подбежал к месту, где была привязана ослица. Длинная верёвка валялась на земле, извиваясь, как ползущая змея.

— Неужто волки съели? — шмыгнул носом Аннак.
— Ну да. С костями.
— Тогда её украли, увели грабители!
— Конечно, эта пустыня полна грабителей, которые только и делают, что крадут ослов. Посмотри на верёвку, ослица просто отвязалась и пошла куда глаза глядят. Надо было покрепче привязывать. Сам не умеешь, попросил бы меня.
Я попрекал Аннака, но винил себя. Ведь знал, что мой друг не умеет крепко привязывать животных.
— Может, поищем, вдруг пасётся где-нибудь поблизости? — сказал Аннак со слабой надеждой.
— Найдёшь, как же! Она небось давно уже в ауле.
Аннак тяжело вздохнул, виновато глянул мне в глаза.
— Видно, и нам придется возвращаться домой.
— Не говори глупостей, Аннак. Назад нам пути нет.
Позавтракав, мы погрузили Аннаковы вещи на моего осла, тронулись дальше. Сам он сесть верхом наотрез отказался: я, говорит, виноват, мне и топать пешком. Однако скоро он стал мокрый как суслик, которого выгоняли из норы водой; при этом тяжело дышал и задыхался. Теперь, когда я опять предложил ему забраться верхом, он не упрямился, вмиг влез на осла.
Дальше так и ехали, сменяя друг друга.
Вторая ночь прошла вполне спокойно, если не считать того, что на этот раз отличился мой осёл. Мы привязали его поближе к себе, чтобы и он не убежал. Но пока мы крепко спали, мой осёл забрался в хурджун и вдоволь полакомился нашей провизией, оставив нам самую малость на дне хурджуна.
Поутру тронулись в путь. Настроение было неважное. Все эти барханы[1], такыры[2], заросли саксаула, одинокие чёрные птицы в небе давно уже нам надоели. А Джеренли всё не показывался.
— Слушай, когда же мы доберёмся? — не выдержал я наконец. — Может, мы заблудились? Мимо прошли?
— Как же! Если бы мы хоть по краю Джеренли прошли, то сразу бы увидели стада джейранов. Уж их нельзя не заметить. А двигались мы всё время как надо, на восток.
Аннак слез с осла и уступил мне место:
— Садись, Меледже, и наберись терпения. Скоро мы увидим стада оленей.

[1] Барха́ны — песчаные наносные холмы в степях, пустынях.
[2] Такы́р — голый и ровный, затвердевший участок в пустыне.

В обед мы съели последние крохи еды и выпили последние капли воды и, не мешкая, двинулись дальше.

Солнце сильно припекало, в горле у нас пересохло, губы потрескались. А в бурдюках[1] ни капли воды, в хурджунах ни крохи еды!

— Как бы не умереть нам от голода и жажды в пустыне...

— Зачем ты так говоришь? — слабо возразил Аннак, облизывая губы.— Надо быть терпеливым. Вот увидишь, скоро нам попадётся чабанский кош. Там, на стоянке, нам дадут и хлеба, и воды, и мы пойдём дальше.

Надежда встретить кош придала нам силы. Смеркалось. Но мы не останавливались: что ж, и нам травой ужинать, как моему ослу? Теперь надо идти и идти, пока не встретим людей. Другого выхода нет.

Мы с трудом взобрались на крутой холм, который преградил нам путь, взглянули вниз и радостно вскрикнули: впереди мелькал огонёк.

— Говорил я тебе, что встретим кош? Теперь поверил? — похлопал Аннак меня по плечу. Было видно, что и он здорово обрадовался этому огоньку.— Вперёд, к людям!

Но, видно, правильно говорят у нас: днём не верь миражу, а ночью — огню. Казалось, трепетал в каких-то десяти-двадцати шагах, но проходим полкилометра, километр, а он всё так же вдали и так же обманчиво близок.

Мы шли уже из последних сил, когда наконец, шатаясь, достигли цели. У ярко пылающего костра сидел здоровенный дядька и смачно жевал. Невдалеке стоял мотоцикл с коляской, посверкивая блестящими частями. Услышав наши шаги, человек поспешно выхватил ружьё и направил на нас:

— Стой, кто идёт?

Аннак бессильно прислонился к ослу и слабым голосом сказал:

— Это мы, Аннак и Меледже из аула Дузлуджа́. И с нами наш осёл.

— Откуда мне знать, кто такой Аннак и кто такой Меледже? И в Дузлудже я никогда не бывал. А ну, подойдите поближе к огню, посмотрю на вас!

Мурашки пошли у нас по коже. Мы сделали несколько робких шагов, и пламя костра осветило наши жалкие фигуры.

— Дяденька, мы голодные,— плаксиво доложил Аннак.— У нас кончилась вода, нет еды... Помогите нам, пожалуйста.

— И так вижу, что сопляки,— громко засмеялся дядька.— Ладно, проходите садитесь. Так уж и быть, пожалею вас.

---

[1] Бурдюк — мешок из шкуры животных для хранения жидкостей.

Мы привязали осла и подсели к костру. Теперь, при свете огня, мы хорошо разглядели незнакомца. У него были большие, навыкате, коровьи глаза. Бесформенный, картошкой нос, плоский лоб и широкое, как блюдо, лицо. Спутанные, словно шерсть у козла Дурже-эдже, усы. Рот его часто кривился в непонятной усмешке.

— Путешествуем по родному краю, романтики? — хохотнул дядька, протягивая нам по куску хлеба и пёрышки зелёного лука. Варёного мяса, лежавшего перед ним большущими кусищами, он не предложил. Но мы с благодарностью приняли и это угощение.

— Что ж вы так плохо снарядились? — продолжал расспрашивать Плосколобый.— Без воды, без жратвы в путь отправились? И ружьё надо было прихватить с собой. Подстрелили бы какую дичь. Вот и еда!

— Но мы не умеем стрелять!

— Какие же вы джигиты, если не умеете стрелять? Да я вовсю охотился, когда был ещё даже меньше вас.— Он налил в пиалу чай и поставил передо мной.— А охотничьей премудрости, если хотите знать, научил меня мой родной дядя. Знаменитым охотником был старик. Бегущему оленю в глаз попадал. Он же и привёл меня в эти джейраньи места.— Плосколобый, видать, любил поговорить, даже мясо перестал есть и нам по куску придвинул: лишь бы слушали его.— Уловки у него были — обхохочешься! — Он громко засмеялся, сел поудобнее.— Вот слушайте. Привёл он, значит, меня на джейранью охоту. Долго рыскали по степи — ничего. Вдруг дядюшка мой падает ничком на горячий песок и мне командует: «Ложись!» Я растянулся рядом с ним. «Видишь,— говорит,— во-он там тучка вроде колышется? Это стадо оленей. На них мы сейчас и пойдём. Только надо раздеться догола».— «Зачем?» — удивляюсь я. «А затем, чтобы олени нас не заприметили. Голые, мы будем сливаться с песком. И запаху поубавится». Стыдно да и неприятно голышом по горячему песку ползти, но что поделаешь, очень уж хотелось научиться охотиться. Ползём, ползём. Адские муки. И плюнуть хотелось, уйти, да побоялся гнева дядюшки. Наконец он остановился, говорит: «Не дыши!» — и целится в оленей. Я лежу, трясусь, жду выстрела. А тут возьми да укуси меня кто-то в живот. Я и заорал во всю глотку. От моего крика дядя вздрогнул, ружьё выстрелило. Пуля, конечно, пролетела мимо цели.

Плосколобый захохотал, трясясь всем мясистым, тяжёлым телом. И чему так развеселился, непонятно. Мы сидели молча.

— Надавал мне, конечно, дядюшка хорошенько,— продолжал он, вытирая слёзы, выступившие на глазах.— Потом я эдаким манером

много охотился, намучился изрядно, спасибо, на помощь техника пришла. Едешь себе, поплёвываешь, а как увидел джейранчика — за ним, на всех газах! Как ни прыток олень — куда ему с мотором тягаться! Догоняешь, направляешь на него фару — он и останавливается, дурень, как вкопанный. Тут и бьёшь его, миленького, так, чтоб и мясо было и шкуру не испортить.

Я поперхнулся и закашлялся, не в силах ни проглотить, ни выплюнуть то, что было во рту. Аннак положил обратно на дастархан кусок лепёшки, которую только что отломил.

— Что вы чай-то не пьёте? — удивился Лупоглазый и залпом выдул чай, который нам же налил.— Сейчас минут десять езды — и я выйду на оленей. Но зачем спешить, верно? Устал я очень. С утра пораньше на работе ишачил, потом сюда ехал, тоже путь неблизкий. Вы посидите, ребята, поболтайте, а я вздремну полчасика. Потом разбудите меня. Только не усните смотрите, а то я сам ни за что не проснусь. Долг, как говорится, платежом красен.

Плосколобый растянулся у костра и тут же захрапел. Мы с Аннаком сидели, боясь пошевельнуться. Перед моими глазами проносились одна картина ужаснее другой.

Вот мощный мотоцикл бешено мчится по степи.

Вот стадо джейранов попадает в ослепительный свет фары.

Вот Лупоглазый вскидывает ружьё и стреляет, стреляет...

Я со страхом и ненавистью взглянул на Лупоглазого. Он походил сейчас на сказочное чудовище, которое прилегло отдохнуть в перерыве между злодеяниями...

Я тихонько толкнул Аннака, припавшего к моему плечу. Он встрепенулся. Видно, задремал, бедняга, сидя.

— Пошли, Аннак,— прошептал я.

Мы осторожно, стараясь не шуметь, собрали свои вещички и поспешили к ослу. Аннак, точно вдруг что-то вспомнив, вернулся назад. Через минуту он снова возник передо мной из темноты.

— Я ему шины проколол,— сообщил он, довольный.— Теперь далеко не уедет.

Мы вдвоём сели на ишака и погнали его. Сами, конечно, всё время оглядывались: не догоняет ли Лупоглазый? Ещё нам казалось, что вот-вот увидим изящных быстроногих оленей. Ведь, по словам Лупоглазого, мы находились в самом сердце Джеренли.

Вдруг задул ветер. Он крепчал с каждой минутой. Сверкнула молния, и тут же хлынул ливень, промочив нас до нитки. А спрятаться негде. Над головой открытое небо.

— Что будем делать? — прокричал я, наклонившись к уху Аннака.

— Главное, держать себя в руках. Никакой дождь нас не одолеет! — Он спешился, развернул осла поперёк ветра.

Я обнял Аннака, прижался к тёплому боку осла. Он не особенно-то защищал, но хоть немного задерживал ветер.

Сидим под ишаком на корточках, скрючившись, всё теснее жмёмся друг к другу, ища спасения от потоков воды, льющейся сверху. А ишак, бедняга, не шелохнётся, стоит, покорно опустив уши, и живот его касается наших голов.

Стало светать. А дождь не кончается. Льёт и льёт.

— Эй, что вы там делаете? — раздался вдруг громовый голос.

Вздрогнув, мы выглянули из-под ишака и увидели человека на верблюде. Его большой крючковатый нос, торчавший из капюшона жёлтого брезентового плаща, строго нацелился на нас.

Поскольку мы молчали, человек сполз с верблюда и повторил свой вопрос.

— От дождя укрываемся,— ответил Аннак.

— Куда вы идёте?

Узнав, кто мы такие и куда шли, человек закусил губу и покачал головой.

— Эх, дети мои, да разве в Джеренли так просто встретишь джейрана?! Извели их злые люди, браконьеры. Теперь олени за сто вёрст держатся от человеческого духа.

«И Лупоглазый один из тех браконьеров!» — подумал я и рассказал о нём носатому дяде.

— А я ему шины проколол,— добавил Аннак.

— Молодцы, очень хорошо сделали,— похлопал его по плечу Носатый.— Я этого негодяя знаю. Ата́ш-Болтун из Арыклара, племянник охотника Гармаме́да. Дядька его настоящим охотником был, зверя зря не бил. А у Болтуна ни стыда, ни совести. Никак не могли поймать его с поличным. Теперь, надеюсь, не убежит. Идёмте, дети, я отведу вас в кош.

Скоро мы были на месте. Чабаны быстро переодели нас, посадили у огня, накормили горячей шурпой. Мы согрелись в тепле и почувствовали, что засыпаем сидя. Чабаны завернули нас в тёплые тулупы и уложили спать.

Сквозь сон я слышал какой-то гул, но не мог понять, что это за гул и откуда он. Потом гул стих, и больше ничто меня не тревожило...

— Аксолта́н, поздравляю, твой сын нашёлся! — услышал я чей-то голос и проснулся. Выглянул из-под одеяла и увидел, что лежу у себя дома. В комнате толпились женщины. Подальше, в глубине комнаты, за столом сидели папа и Нунна-ага. Уж не сон ли я вижу? Ведь совсем недавно мы были в Джеренли, а до него, как известно, три дня ходу.

В комнату вошёл Торемурад-ага. Значит, это не сон.

— Нашлись наши беглецы?

— Слава богу, Торемурад,— ответил отец.— Их нашёл на холме Гырмала́ чабан Носатый Саза́к. Отвёл в кош, накормил, спать уложил. А тут вертолёт прилетел с продовольствием для чабанов. Вот на нём и отправил Сазак их домой.

Теперь понятно, какой гул я слышал сквозь сон!

Послышался голос тётушки Дурже:

— Аю, Караджа, моя ослица пропала как раз в ту ночь, когда сбежали ваши мальчишки. Уж не они ли угнали её? Спроси у своего Меледже.

— Вполне могли,— ответил отец.— А разве она не нашлась?

— Через два дня еле притащилась, бедная. Голодная, тощая...

— Но зачем они пошли в пустыню, вот чего я не пойму? — удивился Нунна-ага.— Другие всё в город норовят, а эти в пустыню подались.

— Я думаю, они в Джеренли отправились.— Торемурад-ага приблизился ко мне.— Сейчас мы разбудим Меледже и спросим...

Я крепко зажмурился и затаил дыхание.

— Не надо, не трогай его,— сказал — спасибо ему! — Нунна-ага.— Пусть мальчишка поспит. А расспросить да поругать всегда успеется. Ты лучше ответь, Караджа, собираешься ли ты отмечать благополучное возвращение сына или нет? Вот я сейчас был у Джумми-Велосипеда. Он уже зарезал барашка. Вечером весь аул на угощение приглашает.

— Пусть только не просит меня досолить своё угощение,— ответил папа.

Мужчины громко рассмеялись.

— Пошли, Торемурад, выберем барашка пожирнее. Что мы, хуже Джумми?!

Вечером в наших домах шёл пир горой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ о том, как трудно и хлопотно стать дрессировщиком

Ох уж этот Аннак! Всегда что-нибудь придумает.

Идём как-то мимо дома Дурже-эдже. Вдруг перед нами на дорогу выскакивает с отчаянным мяуканьем большая лохматая кошка. Следом за ней вылетает стрелой кочерга. И слышится скрипучий, громкий крик тётушки:

— Ах ты, исчадие ада! Несчастье на мою голову! Суёшь везде свой нос!

Аннак тут же юркнул в калитку:

— Бабушка Дурже, кого ты так страшно ругаешь?

Увидев нас, тётушка посветлела лицом.

— Не вас, конечно, милые. Заходите, детки. Кошку свою ругаю, которую держу на свою погибель. Вон целую кастрюлю сока на кошму опрокинула. Ни сока теперь, ни кошмы.

— Отдай нам свою кошку,— вдруг попросил Аннак.

Теперь я понял, почему он с загоревшимися глазами сунулся к Дурже-эдже. Он давно зарился на эту лохматую разбойницу, мечтал выдрессировать её.

— Забирайте, милые, ради аллаха. Век вам буду благодарна.— И в знак доказательства, порывшись в бездонных карманах камзола, выудила по монетке и подарила нам:— Нате, мои детки, лимонадику попьёте. Только сделайте, чтоб эта тварь не попадала мне на глаза!

Кто мог ожидать такую удачу?! Мало того, что получили кошку, на которую давно засматривались, да ещё и по двадцать копеек в придачу!

Тётушка сунула кошку в старый мешок и отдала нам. Мы поспешили ко мне домой, боясь, как бы Дурже-эдже не раздумала. На наше счастье, мамы не было. А это значило, что мы тут же можем начинать дрессировку.

Плотно закрыв окна и двери, вытряхнули кошку из мешка. Похоже, она сильно оскорбилась, что её засунули в старый вонючий мешок. Кошка грозно шипела, усы встопорщились, шерсть на загривке вздыбилась. Аннак попытался погладить её по спине, чтобы успокоить.

Кошка, видно, подумала, что опять собираются как-то унизить её достоинство, и решила защищаться: подпрыгнула и ка-ак цапнет — на руке Аннака появились глубокие багровые бороздки. Аннак взвыл от боли. А кошка принялась отчаянно носиться по комнате: толкалась в окна и двери, вспрыгивала на стол, взлетала на горку сложенных в углу одеял и подушек.

Я уже не прочь был с ней расстаться подобру-поздорову. Пятясь, мы выбрались из комнаты. Аннак облегчённо вздохнул, подул на царапины, вытер пот со лба.

— Ну и злющая, чертовка! Надо её как-то умаслить.— Он, кажется, не собирался отказываться от своей затеи.— Мясо у вас есть?

Мама совсем недавно зажарила баранину и вместе с жиром заложила в очищенный овечий желудок — так у нас хранят мясо.

Я сбегал в сарай, принёс несколько кусочков. Аннак приоткрыл дверь, кинул мясо кошке. Она с урчанием набросилась на лакомство. Съев, облизнулась и взглянула на Аннака: дескать, ты не такой уж и плохой, оказывается.

— Иди принеси ещё,— приказал Аннак.

Я принёс. Кошка, вдоволь наевшись, совсем освоилась: прилегла у наших ног и замурлыкала.

— Полдела сделано,— заявил Аннак.— Быстро же она приручается! Завтра начнём основные занятия. Надо на ночь запереть её в вашем сарае. А то ещё скажут, что мы мучаем животное.

Аннак заявился ко мне сразу после школы:

— За работу, дорогой друг!

Я неопределённо пожал плечами, потому что понятия не имел, как надо дрессировать эту лохматую.

— Я всю ночь ломал голову и придумал,— сказал Аннак горделиво.— Мы начнём учить нашу кошку самому трудному фокусу. Тогда все другие она запросто выполнит. Она будет учиться прыгать через огненное кольцо.

— А если она не захочет?

— Захочет. Ещё как!

Я не был в этом так уверен, как Аннак, но покорно исполнил всё, что велел главный дрессировщик: принёс мяса, нашёл кусок проволоки. Из проволоки мы сделали кольцо. Кольцо обмотали тряпкой, смочили керосином.

По плану я должен был держать горящее кольцо на вытянутой руке, позади меня встанет Аннак с приманкой — куском мяса, а кошка должна прыгнуть через кольцо и получить приз.

Прежде чем поджечь кольцо, Аннак решил, так сказать, произвести пробу. Поднял приманку в руке и стал зазывать кошку. Мясо она выхватила, правда не прыгнув через кольцо, а пробежав под ним.

— Давай зажигай! — нетерпеливо скомандовал Аннак.

Кольцо вспыхнуло ярким пламенем. Кошка ощетинилась, фыркнула и как дунет — вмиг исчезла из виду.

— Зрители бурно аплодировали им,— сказал я, бросая кольцо на землю и затаптывая его ногами.— И больше всех — Дурже-эдже.

— Аннакули, Меледже, подите-ка сюда, дети мои!

Легка же на помине! На улице стояла тётушка Дурже. Сейчас потребует назад свои деньги. И ещё мошенниками назовёт.

Мы понуро приближались к старушке, опасливо поглядывая на её корявые тёмные руки. Аннак, кажется, даже полез в карман. Дарёные сорок копеек хранились у него. Решил, видно, без споров вернуть денежки.

— Аннакджан, Меледже, милые мои, нате вам вот, мороженого купите.— Старушка опять протянула нам по двадцать копеек. Она выглядела смущённой.— Погорячилась я вчера. Уж больно жалко было сока и кошмы. Верните, пожалуйста, мою лохматую. Ночь не спала, переживала. Будто родное дитя из дому выгнала. Да и мыши одолеют без неё.

— Бабушка Дурже, иди спокойно домой! — засиял Аннак.— Твоя лохматая, наверное, давно уже тебя дожидается.

Дурже-эдже припустила домой с такою же быстротой, как и её лохматая разбойница.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ о том, что такое «дрезина» и как быстро и легко её собрать

Аннаку отец купил новенький велосипед. Мне стало завидно. Пристал к папе, чтобы и мне купил.

— Хорошо, сынок,— сказал отец.— Куплю я тебе велосипед. А ты пока научись кататься. Аннак хорошо ездит, пусть он поучит тебя.

Дело было во дворе. Аннак сидел на корточках у нашей калитки и чуть ли не языком облизывал свой велосипед. Наш разговор он, конечно, слышал, но помалкивал, памятуя, что молчание всё-таки золото.

Желая угодить Аннаку, я взял чистую тряпку и начал помогать ему вытирать велосипед. Едва отец отошёл от нас, Аннак оттолкнул меня плечом:

— Убери свои грязные руки! Я тебе и дотронуться не дам до новенького велосипеда, понятно?

— Почему, Аннак?

— А потому, что ты за час разобьёшь его и превратишь в кучу лома!

Я обиженно поднялся, собрался уходить.

— Ладно, ладно, не горюй, Меледже,— примирительно похлопал меня Аннак по плечу.— Если я так сказал, то это ещё не значит, что я вообще не хочу учить тебя кататься.

Я молчал.

— Знаешь, сколько у нас в сарае велосипедных запчастей валяется? На целую дюжину велосипедов хватит. Соберём тебе один — из самых лучших частей,— езди сколько твоей душе угодно. А сломаешь — не жалко. Я и сам учился ездить на старом папином велосипеде. А шофёры, думаешь, сразу на новенькую машину садятся? Как бы не так! Тоже на старых, списанных учатся.

Аннак убедил меня.

— Спасибо, дружище,— сказал я.— Если научишь меня ездить, я сколько хочешь дам тебе кататься на моём велосипеде, когда мне купят.

Мы пошли в сарай. Аннак сказал правду. Там и в самом деле лежала целая гора частей от разных велосипедов. Рамы, колёса, багажники, цепи, педали. То были остатки велосипедов, на которых когда-то ездил отец Аннака.

Джумми-ага был заядлым велосипедистом. Ещё никто никогда не видел, чтобы он ходил пешком. Сельпо в двух шагах от их дома. Но

Джумми-ага едет туда только на велосипеде. Если речь заходит о велосипедах, он никому рта раскрыть не даст. Расскажет, где, когда, кем он был изобретён, каких марок и видов велосипеды существуют на свете. «Да я эту дрезину,— он почему-то всегда называет велосипед «дрезиной»,— ни на какую лошадь или машину не променяю. Есть не просит, бензина не потребляет. Всегда готова мчаться туда, куда тебе нужно».

Говорят, Джумми-ага первым в нашем ауле сел на велосипед, ещё в те времена, когда его в аулах называли «шайтан-арбой», то есть чёртовой коляской. С тех пор к Джумми-ага и прицепилось прозвище «Велосипед». Так его зовут все и по сей день: Джумми-Велосипед...

Так вот, из этой кучи мы отобрали сносного вида раму, колёса, ржавую цепь (впрочем, всё остальное тоже было ржавым) и даже фару без стекла. Камер мы не нашли, а те, что нашли, ни на что не годились. Вытащили всё это во двор, под навес, только стали примеривать, что к чему, как на улице затренькал звонок. Это Джумми-ага приехал на обед. Всегда, подъезжая к дому, он бренчит звонком, предупреждая жену о своём появлении. «Я еду, собирай на стол, готовь чай!»

Джумми-ага увидел, чем мы занимаемся, прислонил велосипед к стене сарая и к нам:

— А ну-ка, джигиты, что вы тут мастерите? Хотите собрать дрезину? Ай молодцы, честь и хвала вам!

— Да только вот не знаем, с чего начинать.

— А чего тут не знать? Раз, два — и всё готово!

Позабыв про обед, который, наверное, уже дожидался его на столе, Джумми-ага засучил рукава и приступил к работе. Действовал он умело и решительно. Прежде всего налил в тазик керосину, бросил туда цепь и всякую другую ржавую мелочь, привинтил к раме колёса, насадил потресканное жёсткое седло, даже разбитую фару навесил. С камерами дело обстояло плохо, но Джумми-ага и тут нашёл выход, не зря, видать, прозвали его Велосипедом. Покрышки он туго набил ватой. Надел цепь и хлопнул рукой по седлу:

— Готова дрезина! Гляньте, какая красота получилась!

После этих слов велосипед и впрямь показался мне прекрасным. Ведь на нём я научусь ездить!

Я погладил ободранное седло, взялся за руль. Но Аннак и здесь решил проявить первенство:

— Не спеши, ов! Дай вначале опытным людям испытать.

Встал левой ногой на педаль, а правой несколько раз сильно оттолкнулся. Когда велосипед медленно, со скрипом, но покатился, Аннак вспрыгнул на седло и закрутил педалями. Они замелькали быстро-быстро, но ходу «дрезине» не придали — Аннак вместе с велосипедом шлёпнулся на землю.

— Тормозную втулку забыл вставить! — хлопнул себя по лбу Джумми-ага.— Вот что значит спешка! Пошарь в тазу, Аннакулиджан, она должна быть там. Вставьте и катайтесь на здоровье.

— Нет, папа, я больше не ездок на этом велосипеде.

— Тогда, Меледже, сам закончи сборку. А я пойду, обед мой, наверно, давно уж остыл. Бессир-эдже сердиться будет.

А мне только этого и надо было. Вставив в заднее колесо втулку, я закрутил гайки, рукою попробовал ход педалей. Всё было нормально. Можно начинать учиться.

Я вытащил велосипед на улицу, подвёл к арыку, берег которого был выше дороги, закинул ногу за раму, оттолкнулся и... проехав метра два, грохнулся оземь.

В окно высунулся Джумми-ага.

— Ты, Меледже, руль держи прямо, гляди вперёд, а не на педали. И не бойся! — крикнул он.

Из-за угла дома выглянула Дурже-эдже. Она, кажется, видела, как я упал.

— Ай, джигит ещё называется! Не может оседлать эту несчастную шайтан-арбу! В твоём возрасте мы на скачущего ишака вскакивали!

Тётушкина насмешка разозлила меня. «Всё равно поеду»,— твёрдо решил я.

Я запомнил, как Аннак левой ногой стоял на педали, а правой отталкивался, разгоняя велосипед. У меня так не получалось. Я не умел держать равновесие. Тогда я подвёл свою «дрезину» к тому месту, где дорога шла под уклон, перекинул ногу через раму, упёрся в педаль, а левой ногой сильно оттолкнулся. Велосипед заскрипел и покатился под гору. Я начал крутить педали. «Дрезина» пошла веселее. Я закрутил педалями вовсю — скорость увеличилась. Мне, видно, помогала наклонная дорога. Но я понял это слишком поздно, когда вдруг вспомнил, что тормозить-то я не умею!

«Дрезина», скрипя и грохоча, на бешеной скорости летела вперёд. Я сам не знаю, как удерживался в седле и почему продолжал налегать на педали. Меня могла остановить только какая-нибудь преграда или чудо. И она, преграда (вот тебе и чудо!), появилась на моём пути в образе Джуманаза́ра-ага, колхозного бахчевода, который жил за четыре дома от нас.

Мы сближались так стремительно, что он не успел отпрянуть в сторону, а я — свернуть, да я и не сумел бы.

Переднее колесо со всего маху врезалось в живот Джуманазара-ага. Едва устояв на ногах, он обеими руками ухватился за руль. А я, наоборот, от резкой остановки выпустил руль и вылетел из седла. Спасибо Джуманазару-ага: спасая себя, он помог мне спешиться!

Джуманазара-ага всего трясло от гнева.

— Ты!.. Ты чей... сын будешь? — схватил он меня за шиворот.

— Меледже сын...— запутался я.— То есть... ой!.. Караджи-ага сын...

— Это Усатого Караджи-то? — сурово переспросил Джуманазар-ага.

Я виновато кивнул головой.

— Ясно! — Джуманазар-ага отпустил меня.— Усатый Караджа тоже, мальчишкой, безглазым был. Наехал на меня на своём жеребце. Что с тебя взять: весь в отца пошёл!

И Джуманазар-ага, в сердцах махнув рукой, пошёл своей дорогой. Мне, мол, с Караджами и говорить не о чем.

Я какое-то время глядел ему вслед, потом опять повёл «дрезину» на горку. Сдаваться я не собирался.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ о том, как мы выслеживали шпиона и его резидента, окопавшегося в нашем ауле.

Когда на велосипеде, собранном Джумми-ага, я научился сносно кататься, папа купил мне, как и обещал, новый. Я ликовал от радости. Теперь я пешком, как и Джумми-ага, ни шагу. В школу — на велосипеде, за травой, в магазин, к соседям за ситом — тоже. И в город мы с Аннаком взяли за правило ездить на велосипеде.

И в тот день собрались мы в город на велосипедах. Моя мама послала нас купить кое-что на базаре.

Едем не спеша, что-то мурлычем под нос. Суслики, выбравшиеся погреться на солнышке, завидев нас, прячутся в норках. День стоит ясный и тихий, дорога пустынна, разве что изредка проедет грузовичок или пригородный автобус.

И вдруг... Когда до города оставалось совсем немного, на дороге появился человек. В чёрном полосатом костюме, шляпа надвинута на самые глаза, а глаза скрываются за тёмными стёклами огромных очков. Через плечо перекинут фотоаппарат.

Незнакомец шёл, озираясь по сторонам, будто кого-то опасался, а увидев нас, застыл на месте, как врытый столб.

— Здравствуйте, ребята,— как-то заискивающе сказал он, когда мы поравнялись с ним.

— Здравствуйте,— ответили мы нестройно.

— Вы не подскажете, мальчики, эта дорога ведёт в аул Дузлуджа? Хоть и был там раза два, да только автобусом ехал, не запомнил дороги.

— Идите прямо по ней, она вас в Дузлуджу и приведёт. Но автобусы туда и сейчас ходят.

Человек снял тёмные очки, протёр их носовым платком и снова водрузил на нос.

— Я знаю. Но я люблю ходить пешком. В городе, бывает, и десяти шагов не пройдёшь за день. И потом, хочу по дороге кое-что сфотографировать.

Махнув нам рукой, незнакомец продолжил свой путь. Поехали и мы. Но, уже въезжая в город, Аннак вдруг резко затормозил.

— Ну и олухи мы! — хлопнул он рукой по рулю велосипеда.— Упустили этого человека.

— Какого человека? — не понял я.

— Нехорошего человека. И даже, может, шпиона. Ты видел, как

он озирался по сторонам? (Я понял, что речь идёт о том самом незнакомце.) Тёмные очки, фотоаппарат, озирается...— продолжал Аннак.— И пешком, видно, неспроста ходит. Может, какой важный объект сфотографировать хочет.

Я знал, что, кроме чабаньих кошей и полевых станов, никаких «важных» объектов в нашей округе нет, но всё же тревога закралась в душу. А вдруг?

— Что будем делать?

— Надо догнать его! — Аннак решительно повернул назад свой велосипед.— Нельзя терять ни минуты!

Мы изо всех сил налегли на педали. Скоро показался незнакомец. Он не спеша брёл по дороге.

— Ишь ты, ягнёночком прикинулся,— пробормотал Аннак.— А сам небось уже сделал своё чёрное дело... или собирается...

— Интересно, а как мы его задержим? — подумал я вслух.— Вдруг у него пистолет?

Аннак ответил, не отрывая проницательного взгляда от шпиона:

— Вначале выследим, куда он в ауле пойдёт. Может, у него там сообщники — как это? — пре... президенты, что ли...

— Резиденты? — подсказал я.

— Ну да. Обнаружим их — поднимем на ноги весь аул. Тогда ему и сто пистолетов не помогут.

Мы последовали за незнакомцем, держась на порядочном расстоянии, но не выпуская его из виду.

Он несколько раз подходил к встречным, что-то расспрашивал, (а может, пароль им говорил?), потом обогнул несколько домов и... вошёл во двор Дурже-эдже. Вот те на!

— Слушай, а что делать шпиону у бабушки Дурже? — Я вопросительно глянул на Аннака.

— Сам удивляюсь! — пожал плечами Аннак.— Кто знает, может, она тоже шпионка? Чего смеёшься! Думаешь, такие случаи не бывают? Помнишь, в кино видели, безобидный такой с виду старичок опасным шпионом оказался? К тому же вовсе и не стариком.

Что верно то верно. Видели мы такой фильм.

Я представил себе Дурже-эдже шпионкой. Вот она входит в дом, запирает дверь, зашторивает окна. Снимает парик, приставной крючковатый нос и оказывается молодой красивой женщиной с рыжими волосами. Эта красавица, злобно ухмыляясь, достаёт из тайника радиопередатчик, надевает наушники и начинает лопотать что-то на заграничном языке...

Аннак вдруг хлопнул меня по плечу:

— Эй, что с тобой? С тебя пот градом течёт.

Я рукавом обтёр взмокшее лицо. Вспотеешь тут!

— Ты и вправду думаешь, Аннак, что бабушка Дурже шпионка?— прошептал я.

— Ничего определённого пока сказать не могу. Сначала это дело надо тщательно расследовать... Подойдём к дому, может, услышим что важное.

Мы оставили велосипеды в кустах, росших вдоль дороги, а сами осторожно приоткрыли калитку и скользнули во двор. Окна в доме были открыты. Мы подползли к дому.

— Явился, значит, не запылился? — донёсся до нас скрипучий голос Дурже-эдже.— Ох и заставили вы меня ждать, милые. Думала, уж не пойти ли в милицию...

Мы с Аннаком переглянулись. Лица наши вытянулись. Дело, видно, назревает серьёзное... Может, собирается порвать с преступной деятельностью и добровольно сдаться?

Однако в ответ шпион не стал кричать, пугать бесшумным пистолетом, а забубнил виновато:

— Днём работа, вечером институт, да ещё ребёнок... Света белого не видим. А тут ещё такое дело... вызывает вчера начальство, говорит: за ударный труд тебе машину выделяем. Я хотел отказаться, но Овлак не согласна: бери, говорит, и всё. Машина, конечно, нужная вещь. Через год-другой поднакопил бы деньжат и сам бы с радостью... а сейчас...

— Конечно, купи, зятёк, чего раздумывать? — смягчилась «шпионка».— Может, тогда хоть почаще будете навещать свою старую мать, привозить внука...

— Говорю же, я бы рад, но откуда у меня сейчас такие деньги? Вот Овлак и сказала: поезжай к матери, может, она поможет. В долг, конечно...

Мне стало смешно, я едва сдерживал себя. Глянул на Аннака. Он тоже рот зажимает, чтоб не расхохотаться.

Не сговариваясь, мы опрометью выскочили на улицу. Глянем друг на друга и заливаемся. Вот так шпион, вот так резидент!

«Шпион» оказался тем самым городским зятем бабушки Дурже, мужем Овлак, Овелеком, о котором мы были столь наслышаны, но самого ни разу не видели.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ о том, что в соревновании побеждает тот, кто умело использует достижения современной техники

В полдень, в самую жару, мы с Аннаком плелись из школы. В тот день, как назло, мы были пешими: у Аннака на велосипеде разболталась цепь, а у моего лопнула камера. Мы собирались починить велосипеды после уроков.

Школа наша находится на другом конце аула — путь неблизкий. Надо пересечь шоссе, по которому ходит автобус, идущий из города в Арыклар (обычно кто из наших очень спешит, садится и на него), потом пройти мимо клуба, правления колхоза и сельсовета. А там уже и наша улица начинается.

Так вот, только подошли к шоссе, вдруг к обочине подъезжает арыкларский автобус, останавливается и из него выходит здоровенный парень в новенькой военной форме, с сияющим лицом.

Мы уставились на него, разинув рты.

— Здорово, орлы! — говорит солдат, перекладывая из правой руки в левую небольшой, с яркими наклейками чемоданчик.— Если не ошибаюсь, Аннак и Меледже?

Мы тоже узнали Айназáра, среднего сына Джуманазара-ага — помните, я ещё врезался в него на своей «дрезине»? Уже давно, месяц назад, мы слыхали, что Айназар скоро должен вернуться из армии и что дядя Джуманазар обещал щедрый подарок тому, кто первый увидит его сына и принесёт в его дом радостную весть — бушлук.

Мы почтительно подошли к Айназару:

— Салам алейкум, ага.

— Салам, салам, ребята.— Солдат крепко пожал нам руки.— Как вы тут поживаете? Аул на месте? Какие новости?

— Новостей особых никаких,— улыбнулся Аннак и кивнул в мою сторону.— Если не считать того, что вчера у Меледже корова отелилась.

— А говоришь, нет новостей! — засмеялся Айназар.

— Если это новость, так и ваша коза недавно окотилась. Трёх козлят принесла.

— Да ну?

— У одного из них на лбу белое пятно,— уточнил я.

— С пятном — это совсем хорошо! — весело засмеялся Айназар.—

А как поживает Нунна-ага? — спросил он вдруг и ни с того ни с сего густо покраснел.

«Что это его заинтересовал Нунна-ага?» — удивился было я, но Аннак уже бойко докладывал:

— Нунна-ага прекрасно живёт. Недавно колхоз выдал ему новенький мотоцикл с коляской.— Однако про фаэтон он догадался умолчать.— И ещё. Его дочь Айсенéм удрала из дому.

Айназар побледнел как мел, глаза его округлились.

— Как это — удрала? С кем?

— Да учиться удрала.— Аннак смотрел на Айназара снизу вверх, заслонясь от солнца портфелем.— Она хотела на трактористку учиться, а Нунна-ага не пускал. Говорит, не женское это дело, иди в доярки, птичницы — куда хочешь, только не трактористкой. А Айсенем взяла да уехала. Скоро должна вернуться.

— Ну, так бы сразу и сказал! — облегчённо вздохнул Айназар.— Потом добавил:— А теперь бегите, доставьте бушлук в наш дом.

Повторять это предложение Айназару не пришлось. Мы во весь опор помчались к дому Джуманазара-ага.

Аннак был сильнее меня, но в беге далеко не джейран. Обычно я его запросто оставлял позади. Но сейчас он летел так быстро, что я едва-едва поспевал за ним. Если же я поддавал ходу, он нарочно загораживал мне путь, не давая вырваться вперёд. Я понял, что мой друг решил во что бы то ни стало прийти первым, даже если для этого нужно будет насильно удержать меня.

— Аннак, давай бежать медленнее, вместе придём, вместе и поздравим! — крикнул я ему в спину.

Аннак покачал головой: дескать, на уступки не согласен, бушлук должен быть его.

Мы выбежали на аульскую дорогу и увидели, что навстречу плетётся Дурже-эдже. Только её не хватало!

Старуха удивлённо остановилась, глядя на нас, посмотрела туда, откуда мы выскочили. Верно, подумала, уж не гонится ли за нами кто, потом крикнула:

— Эй вы, куда несётесь как угорелые?

— Айназар вернулся из армии! — прокричал в ответ Аннак, не сбавляя бега, и промчался мимо.

Старуха тут же увязалась за ним мелкой трусцой. Когда и я обогнал её, она в досаде остановилась и крикнула мне вслед:

— Эй, запомните: в награде за бушлук и моя доля! Эх, не к лицу мне, старой, бегом бегать! А то бы я вам показала!

Аннак всё бежит впереди. Я уже и надежду потерял, что догоню его. Вдруг возле дома Нунны-ага он замедлил бег, а потом и вовсе остановился, медленно опустился на землю, держась за бок.

— Что случилось?

— В боку закололо. Подожди меня немного. Колики пройдут, дальше побежим вместе.

Я согласно кивнул головой, хотя не очень-то поверил Аннаку. Сейчас пройдут колики, он соберётся с силами и опять помчится вперёд. Чего доброго, подножки будет давать, за штаны хватать... С него станется.

— Ладно, ты посиди пока. А я заскочу к Нунне-ага, попью водички,— сказал я.— Пить очень хочется.

Аннак с подозрением посмотрел на меня:

— Только смотри не удери один.

— Будь спокоен, Аннак. Я быстро.

Нунна-ага, сидя на корточках, ковырялся в мотоцикле.

— О, Мелеха́н, как ты вовремя! — обрадовался он, завидя меня.— Сбегай-ка, сынок, к моему соседу Ата, принеси ведро бензина. Он мне обещал. Мне в район за почтой надо ехать, а горючего, боюсь, не хватит. Я тебя потом на мотоцикле покатаю.

И Нунна-ага, не дожидаясь моего согласия, сунул мне в руки ведро, подтолкнул в спину. Я не знал, что и делать. Если я пойду за бензином, Аннак за это время отдышится и может ринуться к Джуманазару-ага. А коли я сейчас скажу Нунне-ага о приезде Айназара, то может случиться, что он сам вспрыгнет на мотоцикл и, несмотря на то что мало бензина, помчится за бушлуком. Что же делать?

Я нехотя заковылял к дому Ата-ага. Решение созрело вмиг. Я бросил ведро в кусты, перепрыгнул через арык и что есть духу рванул к заветной цели.

— Ах ты негодник такой! — понеслось мне вдогонку.— Бросил ведро и убежал. Погоди у меня, попросишь покатать на мотоцикле!

И не надо! Можно подумать, будто до этого каждый день катал! У меня есть на чём кататься — мой велосипед.

До Джуманазара-ага было ещё изрядно бежать. Устал я, запыхался. Но как хорошо первым принести в дом радостную весть! Ох и счастлив будет Джуманазар-ага и обиду свою на меня, может, забудет за то, что я тогда наехал на него велосипедом...

Эта мысль придала мне силы, и я побежал быстрее.

Сзади раздался рокот мотора. Оглянувшись, я увидел мотоцикл. За рулём — Нунна-ага. В коляске горделиво восседал... Аннак.

Смеясь, они пролетели мимо меня, обдав густым облаком пыли. Я вдруг обмяк, как футбольный мяч, из которого выпустили воздух. Даже плакать захотелось. Отошёл на обочину, опустился на землю. И в это самое время мотоцикл Нунны-ага, который обогнал-то меня всего метров на двадцать — тридцать, чихнул несколько раз подряд и заглох посреди дороги.

Нунна-ага соскочил с седла, полез в карбюратор. Аннак всё ещё сидел, развалясь, в люльке.

Меня словно пружиной подкинуло с места. Опять заработал ногами!

Когда я поравнялся с мотоциклом, Нунна-ага крикнул Аннаку:

— Чего сидишь, будто привязанный к этой чёртовой коляске? Беги! Не видишь, мотоцикл не заводится? Сделай что угодно, только чтобы этот обманщик не пришёл первым!..

Аннак вывалился из коляски и припустил за мной. Скоро он догнал меня, поднимая ногами целые тучи пыли. Но перегнать уже, сколько ни старался, не мог. Бежали мы нога в ногу.

До дома Джуманазара-ага осталось совсем немного. Рукой подать. Кому же всё-таки, интересно, достанется бушлук?

Навстречу нам выбежала с громким криком группа ребятишек:

— Эй, слышали новость: дядя Айназар из армии вернулся! Давайте нам за бушлук!

— Откуда вы знаете? — прохрипел Аннак, с трудом останавливаясь.

— Только что бабушка Дурже из колхозной конторы звонила.

Мелкота, поняв, что от нас не дождаться подарков за радостную весть, понеслась дальше. Ну и мы поплелись своею дорогой.

— Ох и Дурже-эдже! Ну и хитрющая бабка! — качал головой Аннак. Немного погодя он воспрянул духом: — Знаешь, скоро и младший сын Джуманазара-ага должен вернуться, Байназáр. Тогда уж бушлук обязательно будет нашим.

Я не мог слушать Аннака без улыбки. Байназар должен вернуться из армии ровно через год. И ещё неизвестно, не повстречается ли нам опять тётушка Дурже? Такой уж он неунывающий, Аннак...

В моей душе не осталось и следа обиды на друга. Ничего не скажешь, оба мы старались. И оба остались в дураках.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ о том, что и падать не обидно, если честная борьба

Мы только потом поняли, почему Айназар, едва сойдя с автобуса, расспрашивал о Нунне-ага. На самом деле солдата интересовал не старый почтальон, а его дочь.

Вскоре после возвращения Айназара вернулась с курсов трактористов и Айсенем.

И вот сегодня у них свадьба. Джуманазар-ага устроил большой той. В котлах варятся разные яства. Поют бахши. Шум, веселье.

Невдалеке от казанов расчищена большая площадь для разных игр и состязаний. В землю врыт столб, а на него повешены платки. Кто допрыгнет, тому и достанется платок. Игра называется яглыга тоусма. Есть ещё и другие состязания. Но самое интересное, конечно, гореш — борьба.

Мы с Аннаком, хорошенько наевшись плова, направились туда, где состязались борцы.

В середине толпы, расположившейся кругом, боролись пальваны-богатыри: парни с широкими плечами, крепкими руками. Ребятишки тоже участвовали в гореше. Победитель получал приз. Если борьба заканчивалась вничью, то награду делили пополам.

Разумеется, среди зрителей сидела и Дурже-эдже. С удовольствием потягивая чай, она наблюдала за горешем. Её ястребиные глаза сразу заприметили нас.

— Аю, деймуровцы, идите бороться, призы получите!

— Не, мы не можем.— Я похлопал себя по животу.

— А что вы вообще можете? — принялась она громко срамить нас.— А ещё джигитами называетесь! Жаль, женщины не участвуют в борьбе, а то бы я вам показала, что такое гореш!

Люди рассмеялись. Аннак толкнул меня в бок:

— Слышишь, как она позорит нас? Придётся побороться, а то потом насмешек не оберёшься.

Я знал, что в борьбе Аннак всегда возьмёт верх. Значит, соглашусь я бороться или не соглашусь — насмешек всё равно не избежать. Что же делать? И тут мне в голову пришла спасительная мысль.

— Хорошо, будем бороться. Только с одним условием,— сказал я тихо Аннаку.— Вначале упаду я. Во второй раз упадёшь ты. А в третий раз сделаем вничью. И приз получим, и старуха не сможет насмехаться над нами.

— Идёт! — кивнул головой Аннак.

Между тем раздался голос Торемурада-ага — он распоряжался горешем:

— Выходите, кто хочет бороться! Приз — спортивные тапочки! Ну, есть желающие, ну, богатыри? — Он глянул в нашу сторону.

И мы ответили:

— Есть.

И вышли на середину круга. Зрители тотчас оживились, обсуждая наши с Аннаком достоинства и недостатки:

— Тут нечего и гадать: Аннак победит! Ты погляди на его руки — тяжеловес! Да он этого тощего как былинку переломит!

— Да у таких жирных и сил-то с гулькин нос. А Меледже худой, но жилистый, ловкий. Как даст подножку, рванёт — глядишь, твой Аннак барахтается на спине!

И Дурже-эдже, по своему обыкновению, подливала масла:

— В озорстве они друг другу не уступают. А вот как в борьбе — посмотрим! — И смеялась ехидно так: хе-хе-хе!

Торемурад-ага дал нам по платку, мы подпоясались. Вцепились в пояса за спиной друг друга, схватились. Точнее, я даже глазом не успел моргнуть, как Аннак крепко прижал меня к себе, как родного

брата, приподнял и грохнул на землю. От боли в спине у меня потемнело в глазах. А толпа восторженно заревела:

— Молодец, Аннак!

— Я же говорил, что Аннакджан сильней!

— Да куда Меледже с Аннакули тягаться? Он с ним рядом как кузнечик!

И громче всех вдруг закричала Дурже-эдже:

— Аю, Аннакджан, победишь — в будущем году получишь от меня целый мешок урюка!

На этот раз, по уговору, я должен был повалить Аннака. Но по тому, как он держался за мой поясной платок, я понял, что уступать он мне вовсе не собирается. То ли похвалы его мощи, сыпавшиеся отовсюду, вскружили ему голову, то ли решил во что бы то ни стало взять приз,— про наш уговор он забыл начисто.

— Сдавайся, падай! — шипел я на ухо Аннака, который всё крепче и крепче сжимал меня, будто хотел выжать все соки. С этими словами я снова полетел на землю, стукнувшись, впрочем, как и в первый раз, довольно больно.

— Ай, здорово, Аннакджан! Ты настоящий пальван! — кричали зрители.

— Молодец, Аннакули! Ох и силища у тебя!

Вся радость тоя пропала для меня. Выбрался поскорее из толпы и поплёлся домой. Но не успел пройти и ста шагов, как позади кто-то засопел: Аннакулиджан наш, силач. В руках приз — спортивные тапочки. Лицо — виноватое.

— Меледже, куда ты бежишь, ов? Постой же! Ты что, обиделся?

Я прибавил шагу. Аннак догнал меня, схватил за локоть.

— На, возьми себе,— протянул мне тапочки.

— Нет уж, Аннакджан, носи их сам,— отвернулся я.— Это твой трофей. Ты победил в борьбе и получил своё.

— Прости меня, Меледже,— понурился Аннак.— Я обманул тебя, потому что не мог обмануть людей. Нельзя же, чтоб угодить одной Дурже-эдже, обмануть столько людей. Я старался быть честным. А приз можешь взять себе.

— Нет, не надо.— Я положил руку на плечо друга.

— Ты на меня обижаешься?

— Нет.

— Правда?

— Правда.

И мы крепко обнялись.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ о том, что у ротозеев крольчиха может превратиться в кролика, и о том, что ротозеи могут не выполнить важное задание

В один из последних дней учебного года Торемурад-ага вызвал нас в свой кабинет. Шли мы с Аннаком и гадали: «За что же он нас вызвал?» Дисциплина в порядке, по его предмету успеваем, двоек нет... и вдруг!

Когда мы пришли, учитель кормил двух кроликов, сидящих в клетке.

— Эге, ушастики! — воскликнул Аннак.

Торемурад-ага посмотрел на нас поверх очков.

— Я только что принёс их с колхозной фермы. Для нашего будущего живого уголка. Будете ухаживать за ними?

— Конечно, будем! — дружно воскликнули мы.

— Вот и хорошо. Об этом я и хотел с вами поговорить. Остальные ребята на летних каникулах будут заниматься полевыми работами. А вам двоим я поручаю ухаживать за кроликами. Учтите, это очень важное задание!

Аннак сделал шаг вперёд и по-военному отдал честь:

— Задание понято, товарищ учитель! Будет выполнено.

— Молодец,— улыбнулся Торемурад-ага.— Если хорошо поработаете, ваши портреты появятся на школьной доске Почёта. А сейчас можете идти. Кролики перейдут под ваш надзор с первого дня каникул.

— Есть! — опять отчеканил Аннак.

Кроликов посадили в большую клетку и вынесли в школьный сад. Рядом поставили ещё одну клетку. Наверное, для других кроликов, решили мы.

В первый день каникул, как и было условлено, мы заявились к Торемураду-ага. Я спросил, для чего ещё одна клетка.

— Сейчас объясню,— начал неторопливо Торемурад-ага.— Я специально взял из фермы самца и самку, для развода. У них скоро должно появиться потомство. Двадцатого июля — запомните, двадцатого! — вы отсадите самца в пустую клетку. Там он и будет жить. Крольчата должны появиться двадцать восьмого. Всё точно высчитано.

— А крольчата не могут соскучиться по отцу? — спросил Аннак.

Учитель внимательно посмотрел на него, точно желая понять, не смеётся ли над ним ученик. Но Аннак был серьёзен. Его, кажется, и впрямь заботила участь крольчат без отца.

— Всем вместе им будет тесно. И ещё, самец может пожирать их корм, когда они подрастут.

— Понятно,— улыбнулся Аннак.— Как крольчиха окотится, я раньше Меледже прибегу к вам с бушлуком.

Торемурад-ага покачал головой:

— Увы, не сможешь прибежать, Джуммиев. Завтра я улетаю в санаторий. Надо подлечиться. Вернусь в начале августа. Так что вся ответственность за кроликов ложится на вас. Появятся крольчата — берегите как зеницу ока, понятно? Они должны стать родителями сотен других крольчат.

— Уй, а им всем не будет здесь тесно?

— Это дело будущего, Меледже. Когда кроликов станет много, мы изготовим для них новые клетки.

Торемурад-ага посмотрел на часы:

— Ну, мне пора, ребята. Надо ещё в дорогу собраться.— Он пожал нам руки.— До свиданья. Не забудьте — двадцатого июля отсадить самца.

Мы старательно ухаживали за кроликами. Кормили их свежим клевером, зелёной травкой, капустой, морковью, отрубями. Они с каждым днём становились всё толще и толще. Мы с нетерпением ждали дня, когда появятся маленькие крольчата. Двадцатого июля, как и велел учитель, отсадили самца в запасную клетку. Решили заодно почистить клетку крольчихи. Сказано — сделано.

Я, значит, держу крольчиху за уши, а Аннак чистит клетку. Но тут случилось непредвиденное. Откуда-то прилетела большая зелёная муха и нахально уселась мне на лоб. Я уж и так вертел головой и сяк, чтоб отогнать, а мухе хоть бы что. Сидит себе, кусает. Разозлился я страшно, хло-оп ладонью по лбу, а крольчиха, которую я выпустил на минуту из рук, почуяла свободу, подпрыгнула — и была такова.

— Лови её! — закричал Аннак, кидаясь за крольчихой.

Я тоже побежал. Но куда там! Крольчиха в три прыжка достигла зарослей кукурузы и исчезла из глаз.

Мы весь день обыскивали кукурузник — бесполезно. Устали, проголодались. Аннак начал упрекать меня:

— Это ты виноват во всём! Не смог удержать одну несчастную крольчиху! Что теперь скажем Торемураду-ага?

— Я что, нарочно отпустил её? — оправдывался я.— Это муха виновата, а не я, если хочешь знать! Не села бы она мне на лоб, я бы не выпустил крольчиху.

— Конечно, если ты такая размазня, то на тебя кто угодно сядет!—

Аннак помолчал, что-то соображая, потом вдруг воскликнул:— Постой, может, она к себе домой, на ферму побежала?

— Точно! — обрадовался я. Всё-таки молодец у меня друг, башковитый.— Пошли, Аннак, скорее. Конечно, она там!

Мы с ног валились от усталости, но тут же помчались на колхозную ферму. Дурже-эдже (с некоторых пор она работала там) как раз кормила кроликов.

— Бабушка Дурже, не прибегала ли сюда такая толстая крольчиха? — кинулся к ней Аннак.— Удрала от нас, не можем найти.

Эдже приложила ладонь козырьком к глазам, посмотрела на кроликов, которые за проволочной сеткой как раз ужинали, смешно шевеля губами.

— Аю, джигиты мои, прибегала недавно какая-то крольчиха. Я ещё удивилась, думаю: откуда такая взялась? Так это ваша крольчиха, значит? Я сейчас поймаю её.

Дурже-эдже прошла за сетку, поймала за уши толстую серую крольчиху.

— Эта?

— Она самая. Вон какое пузо!

— Ай, молодцы, сразу узнали свою крольчиху. Вот что значит дехканские[1] дети! Так берегите её, милые. Поздравляю с находкой. Теперь держите её покрепче. Как бы опять не убежала. Тогда крольчат вам не видать как своих ушей!

Мы принесли крольчиху и посадили в клетку. Она долго обнюхивала всё вокруг, будто видела впервые, потом успокоилась и с хрустом принялась жевать свежую травку. Усталости нашей как не бывало, так мы радовались, что крольчиха нашлась. Когда шли домой, Аннак даже запел.

День двадцать восьмого июля прошёл благополучно. Значит, крольчиха окотится ночью, решили мы. Мы так волновались, что уснуть дома, наверное, не смогли бы. Притащили в школу одеяла и устроились на ночь в сарае, неподалёку от клетки крольчихи.

Аннак, лёжа на спине, мечтал:

— Говорят, кролики очень быстро плодятся. Вот родятся, скажем, у нашей крольчихи шесть крольчат. Один окажется самцом, а пять — самками. Они быстро подрастут, и каждая принесёт ещё по шесть крольчат. Сколько это будет? Пятью шесть — тридцать. Из тридцати отнимаем шесть — самцов, остаётся двадцать четыре. Двадцать четыре

[1] Дехка́нин — земледелец.

помножить на шесть... слушай, я верно подсчитал, сто сорок четыре крольчонка?

— Верно,— подтвердил я.— Если дело так пойдёт, придётся всю пионерскую дружину привлечь к работе с кроликами.

— И привлечём! — уверенно пообещал Аннак.

С тем мы и уснули, довольные.

Разбудили нас крики первых петухов. Аннак выскочил из постели:

— Пошли!

Прибежали к клетке крольчихи. Она спокойно дремала в углу. Крольчат и в помине не было.

Расстроенные, пошли мы прочь. Аннак от досады шмыгал носом.

— Почему они не родились, вот что меня интересует! По словам Торемурада-ага, они ещё в прошлую ночь должны были появиться!

— Не торопись, не спеши, Аннак! — сказал я, будто сам был ужас какой терпеливый.— Может, они родятся в эту ночь. А может, даже ещё днём.

Крольчата не появились ни днём, ни ночью. А на следующий день мы получили письмо от учителя. Он писал:

Здравствуйте, дорогие мои Джуммиев и Меледже!

Я рад сегодня присоединиться к вашей радости. Нет на свете большего счастья, чем увидеть плоды своих трудов! Я уверен, вы хорошо ухаживали за крольчихой и теперь у неё родились красивые, здоровые крольчата. Я сейчас не спрашиваю вас, сколько их родилось. Пусть это будет для меня сюрпризом, ладно, ребята? Ещё раз поздравляю вас, дорогие. Как говорится, так держать! Будьте особенно внимательны к крольчатам. У них сейчас самый нежный возраст. У меня всё хорошо. Скоро приеду.

До встречи, обнимаю,
ваш учитель Торемурад Таганов.

Письмо это, вы понимаете, только посыпало соли на наши раны. В последние дни июля мы совсем не ночевали дома и, можно сказать, вообще обходились без сна. Однако крольчат мы так и не дождались.

Третьего августа вернулся Торемурад-ага. Загорел, поправился. Видно, санаторий на пользу пошёл. Нас же попросту ветром качало.

Учитель поздоровался с нами за руку.

— Похудели — вижу. Хлопотно, конечно, с крольчатами. Но дальше дело пойдёт легче. Ну, обрадуйте меня теперь, сколько принесла наша крольчиха?

Мы молчали, опустив головы. Торемурад-ага настороженно взглянул на нас. Верно, почувствовал неладное.

— Так я вас спрашиваю, сколько родилось крольчат? — повторил учитель.

— Ни одного,— ответил Аннак виновато.

— Что-о? Не может быть! — Торемурад-ага бросился к клетке. Долго глядел на толстопузую крольчиху, растерянно моргая глазами.— Феноменально! — вздохнул потом.— Невероятный случай. Всё было точно подсчитано. А ну, сбегайте за Айназаром.

Айназар, тот самый, кого мы первыми встретили из армии и на свадьбе которого Аннак дважды бросал меня на лопатки, работал в колхозе ветеринаром. Он с готовностью пошёл с нами в школьный сад, вытащил из клетки крольчиху и придирчиво осмотрел ее.

— Ну, что с ней? — нетерпеливо спросил Торемурад-ага.— Чем ты объяснишь этот зоологический казус? Когда же она наконец окотится? Ведь все сроки вышли!..

— А никогда! — расхохотался Айназар.— Ещё не было в истории случая, чтобы самец окотился.

Учитель, с вытянувшимся лицом, повернулся к нам.

— Так. Может, вы объясните, каким образом произошло такое превращение?

Мы, конечно, уже догадались, в чём дело. Тётушка Дурже, видно, опять подсыпала нам перцу. Ясно как день.

Мы чистосердечно рассказали обо всём, что случилось. Торемурад-ага смягчился.

— У бабушки Дурже крольчата не пропадут. Верните ей её «крольчиху» и заберите нашу с выводком. Идите. В другой раз не будете ротозеями. Это вам наука.

«Настоящая» крольчиха принесла, как мы и полагали, шесть крольчат. И один из них самец.

Сейчас у нас в клетках прыгают сто сорок четыре крольчонка. Помножьте их на шесть, ещё на шесть, ещё и ещё, и вы поймёте, что у нас скоро будет твориться...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ о том, что козни продолжаются, что враг не дремлет даже ночью, и ещё о том, что свою честь надо защищать самому

Мы ждали урока литературы, а в класс вдруг вихрем ворвался Торемурад-ага. Лицо его было тёмным от волнения и гнева.

— Ребята, вчера в колхозный огород залез вор. Рвал незрелые помидоры, вытоптал кусты. Сторож Джуманазар-ага гнался за ним, но не поймал. Однако утром он по следам определил, что вор был босой и с маленькими ногами.— Учитель сделал паузу, окинул класс тяжёлым взглядом.— Боюсь, что это кто-то из нашего класса. Стыд и срам. Воровать помидоры! Когда у каждого в огороде этого добра полным-полно!

Все смотрели друг на друга: не ты ли, мол, такой охочий до чужих помидоров? А Веллек, тот вообще спятил, что ли. Встал да ляпнул, точно бомбу под ухом взорвал:

— Это, наверное, Аннак или Меледже.

Я не помню, как вскочил на ноги.

— Т-т-т-ты... чего болтаешь?

— Т-т-т-тебе помидоры нужны? — Аннак тоже начал заикаться.— Приходи к нам, я тебе целую арбу нагружу!

Веллек покраснел от волнения, но не сдавался:

— Ах, ах, какие мы чистенькие! А кто воровал в прошлом году урюк у бабушки Дурже? Тогда тоже у вас в саду было полным-полно урюка! А вы воровали. Говорят, человек, один раз укравший, уже не может остановиться. Так что лучше сами признайтесь, пока не привели собаку-ищейку!

Я чуть не заехал ему по уху. Хорошо, Торемурад-ага вовремя остановил меня.

— Веллек, никогда не обвиняй человека, если у тебя нет доказательств его вины. Так можно на кого угодно напраслину возвести. Словом, такое дело, ребята. Если этот хулиган среди вас, пусть одумается. Не то будет плохо.

После уроков мы с Аннаком хотели поговорить с Веллеком по-мужски, но ребята не дали. Одни дворами увели несчастного обвинителя, а другие держали нас, не пускали за ним.

На следующий день учитель явился в класс сердитым, как никогда.

— Итак, вчерашнее предупреждение не подействовало. Значит, придётся наказывать.— Торемурад-ага теперь почему-то смотрел не

на весь класс, а только на нас с Аннаком.— Что ж, пожалуйста! Ребята,— обратился он к классу,— вот они двое и есть те самые воришки, которые лазят в колхозный огород, топчут кусты, рвут и бросают незрелые помидоры.

— Бессовестные!

— Вредители! — раздались возмущённые возгласы.

— Вчера ночью Джуманазару-ага удалось поймать одного из них,— продолжал учитель.— В темноте он не рассмотрел воришку, но когда спросил имя, тот признался, что зовут его Аннаком. И друга-соучастника своего выдал. Сказал, что Меледже ждёт его в кустах. Потом укусил сторожа за руку, вырвался и убежал.

— Я же говорил, что это они! — опять подал голос Веллек.— Они и воровать горазды, и пакости всякие делать. Пустили же недавно в дом бабушки Дурже ежа...

— Не был я в огороде! Не топтал я кусты!..— Из глаз Аннака брызнули слёзы.

— Я весь вечер дома читал книгу!..— сказал я. Но нас никто и не слушал.

— Это дело мы так просто не оставим,— грозно произнёс учитель.— Но прежде, конечно, я сам лично обследую ваши тамошние следы.

В тот день никто с нами не разговаривал, все шарахались от нас, как от заразных больных. Сердце просто разрывалось от незаслуженной обиды. День тянулся как целый длинный год.

Вечером, по обыкновению, ко мне пришёл Аннак. Вид у него был понурый. Глаза покраснели.

— Слушай, почему ты сказал, что я сижу в кустах, когда меня там не было? — встретил я его вопросом.— Ведь правда, я был дома, допоздна читал «Тома Сойера».

— Неужели ты веришь этим бредням? Честное слово, меня тоже там не было!

— Но кто же тогда?

— Вот это я сегодня и хочу выяснить, если ты пойдёшь со мной. Устроим засаду. Может, этот негодяй и сегодня заявится?

Я с радостью принял предложение Аннака. Быстренько собрались и выскользнули на улицу. Темно, хоть глаз выколи. Но мы могли добраться до колхозного огорода даже с закрытыми глазами.

Вскоре достигли цели. Залегли в кустах, росших по краям огорода. Стояла глубокая тишина. На небе ни звёзд, ни луны. И злоумышленника что-то нет.

Аннак решил пойти проверить, всё ли кругом спокойно. Встал, крадучись прошёл вперёд. Сделал несколько шагов, как вдруг послышался сухой щелчок, Аннак ойкнул. Я кинулся к нему. Мой друг корчился на земле.

— В капкан попал,— простонал он.— Освободи, а то нога сломается!

— Вот и хорошо, в другой раз неповадно будет, негодник!— прогремел над нашими головами голос сторожа.

Я рванул в сторону, упал в сухой заброшенный арык, ударился головой о камень. От страха я и боли не почувствовал.

— Думал, долго ещё хулиганить будешь? Вот и попал в лисий капкан, негодник! Теперь за всё ответишь!

— Я не вор, Джуманазар-ага, я — Аннак!

— А мне Аннак-то и нужен. Вот заткну тебе рот, чтоб больше не кусался, паршивец эдакий. Иди вперёд!

Аннак молча пошёл вперёд. Значит, решил я, Джуманазар-ага исполнил свою угрозу, заткнул ему рот. Я пополз вслед за ними.

Джуманазар-ага подвёл Аннака к шалашу, привязал его верёвкой к старому тутовнику.

— Я сейчас приведу твоего учителя. Пусть полюбуется на тебя своими глазами. А то всё не верил!..

Джуманазар-ага растворился в темноте. Я сразу подбежал к Аннаку, вынул у него изо рта кляп.

— Это ты? — прохрипел Аннак, откашливаясь.

— Я, кто же ещё?

— Ну так развязывай поскорее, чего смотришь, как на новую луну!

Я кинулся отвязывать Аннака. Джуманазар-ага столько узлов наделал, что я все ногти обломал, пока развязывал их. Аннак, освободившись, расправил плечи, потёр руки.

— Бежим!

Только навострились, слышим, в огороде кто-то крадётся. Мы попадали на землю. Лежим, не дышим. Над грядками появилась небольшая тёмная фигура.

— Поймаем? — спросил я.— Справимся одни?

— А как же! — ответил Аннак.— За тем и пришли. Да пусть это сама нечистая сила — одолеем!

Мы подкрались к вору, занятому делом, с двух сторон накинулись на него, повалили на землю. Аннак — молодец! — прихватил с собой Джуманазарову верёвку. Ею он и связал преступнику руки.

— Отпустите меня! Я Меледже! Я ни в чём не виноват! Это меня

Аннак послал сюда! — знакомым голосом верещал мальчишка. — Сам он вон в кустах сидит!

Я замахнулся, чтобы стукнуть его по башке, но Аннак оттолкнул меня:

— Нельзя бить пленных. Сейчас придут Джуманазар-ага и учитель. Пусть вначале поглядят на него, а там и наказывают, как хотят. Хоть под суд отдают.

Мы подвели воришку к давешнему тутовнику, крепко привязали к дереву.

— Так-то, приятель, не рой другому яму...— похлопал его по плечу Аннак.— Думал, один ты такой умный?

В темноте послышались голоса. Это подоспели Джуманазар-ага с учителем.

— Совсем замучил меня этот ваш Аннак, ей-богу,— жаловался сторож.— Ты уж, Торемурад, прими какие-нибудь меры. С родителями побеседуй, что ли... Это у тебя лучше получится. Разве же можно так безобразничать?..

— Главное, Джуманазар-ага, что вы поймали на месте преступления. Теперь не открутится. Мы накажем и самого Аннака, и его дружка-приятеля Меледже.

Мы залегли в грядках неподалёку от тутовника.

— Вот, посмотри на него своими глазами.— Вспыхнула спичка, осветив вымазанное сажей лицо. Однако Джуманазар-ага сразу узнал мальчишку: — Ого! Да это же мой племянник Веллек!

— Кто, Веллек? — Теперь спичку зажёг Торемурад-ага.— В самом деле он, Иллиев! Лицо сажей вымазал, бесстыдник!

— Ах ты паршивец! — негодовал Джуманазар-ага.— Надо же придумать: сам пакостит, чтобы честных людей порочить!

Словно гора упала с наших плеч. Мы смело вылезли из своего укрытия.

Веллек во всём признался. Он давно хотел насолить нам за то, что не принимаем его, ябеду, в свою компанию. Случай с ежом, которого мы подкинули в дом бабушки Дурже, навёл Веллека на мысль подстроить так, чтобы нам достался хороший нагоняй. Поначалу он думал один раз залезть в огород, но потом вошёл во вкус и стал наведываться каждый день. И... сам заработал на орехи.

Аннак ему правильно сказал: «Не рой яму другому...» Сам туда и попал.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ о том, как хорошо, если твоя мама печёт вкусные лепёшки, и чем это кончается

В небольшой гостинице нашего колхоза всегда жили какие-нибудь приезжие. Мама подрядилась печь для них лепёшки. Каждый раз, когда я приносил их в гостиницу, постояльцы не могли нахвалиться: «Ох и вкусные лепёшки печёт твоя мама. Сами во рту тают!» Это мне, конечно, нравилось. Я прибегал домой и передавал их слова маме. Она вся расцветала и отвечала: «Лишь бы мука была в доме. А испечь хорошие лепёшки мне вовсе не трудно!»

Вот и сегодня. Мама вошла в дом, неся огромное блюдо со сложенными на нём румяными лепёшками. Мы с Аннаком делали уроки. Обмахивая раскрасневшееся у огня, потное лицо широким рукавом платья, мама придирчиво осмотрела лепёшки со всех сторон, счистила ножом невидимые комочки глины от тамдыра[1], завернула в белоснежный ситцевый платок.

— В гостинице живёт студентка из Ашхабада,— сказала она потом.— Отнесите эти лепёшки ей.

Я сунул узелок под мышку, кивнул Аннаку: пошли. Он неторопливо вылез из-за стола, последовал за мной.

Мы вошли в гостиницу и постучались в приоткрытую дверь.

— Да, входите,— послышался приятный, мелодичный голос.— Открыто.

Я тихонько толкнул дверь, и мы, вытянув шеи, заглянули в комнату. Спиной к нам стояла светловолосая девушка в коротеньком платье с васильками. Пышные волосы рассыпаны по плечам. Девушка что-то помечала карандашом на чистом листе бумаги. Когда она обернулась к нам, мы с Аннаком дружно поздоровались, как на уроке русского языка:

— Здрав-ствуй-те.

Девушка улыбнулась. У неё были тонкие, вразлет, брови и яркие голубые-голубые глаза.

— Салам, салам, заходите, добро пожаловать,— ответила она на чистом туркменском языке. И продолжала, видно почувствовав наше замешательство: — Можете спокойно говорить со мной на родном языке. Я росла среди таких же черноглазых, как вы.

Девушка проворно убрала бумаги, загромождавшие стол.

— Проходите, садитесь. Будьте гостями.

---

[1] Тамды́р — глиняная печь, врытая в землю.

Мы нерешительно присели к столу. Девушка включила электрический чайник, потом села рядом с нами. Я протянул ей лепёшки, завёрнутые в платок:

— Мама вам послала.

— Мне? — Она развернула платок, радостно засмеялась.— Ох, как приятно пахнут! Так ты сын той женщины, которая печёт для постояльцев гостиницы лепёшки?

— Да,— кивнул я смущённо.

— Как тебя зовут?

— Его зовут Меледже,— ответил за меня Аннак.

— А тебя самого?

— Меня-то? — широко осклабился он.— Меня Аннаком зовут. Иногда — Аннакджаном. Иногда — Аннакули. Смотря у кого какое настроение.

Девушка опять улыбнулась.

— Понятно. Что ж, знакомиться так знакомиться. А меня зовут Наташей.— Она протянула нам свою белую, с длинными пальцами руку.

Когда я её пожимал, я почувствовал, что вдруг по моей руке побежали мурашки. Странное дело. Рука как рука, а будто током бьёт.

— Вы в каком классе учитесь? — продолжала Наташа.

— В шестой перешли,— ответил Аннак, сияя. Он чувствовал себя здесь уже как дома.— А ты в каком?

— Я учусь не в школе, а в техникуме. В гидрологическом. В ваш колхоз приехала на практику.

Я незаметно разглядывал девушку. Ростом она была чуть повыше нас, но старше от этого не казалась.

Наташа перехватила мой взгляд, улыбнулась. Я густо покраснел.

Электрический чайник закипел. Наташа заварила чай в большом цветастом чайнике, выложила на стол целую гору конфет. Я и притронуться к ним стеснялся, а Аннак, болтая, отправлял в рот конфету за конфетой.

— Бери ешь, не стесняйся.— Наташа заметила, что я сижу как связанный, подала мне конфету в яркой обёртке.— Ну и куда вы собираетесь после школы?

— Я пойду учиться на артиста,— доложил Аннак с полным ртом конфет.— Буду в кино шпионов ловить.

— Да ты и сейчас похож на артиста,— польстила Наташа Аннаку и убрала со лба упавшие светлые пряди.— А ты кем хочешь стать, Меледже?

Честно говоря, я ещё не думал об этом. Потому-то я и удивился, услышав, что Аннакджан наш хочет идти в артисты. Когда только решил или на ходу придумал?

— Не знаю,— покачал я головой.

— Это плохо, Меледже,— сказала Наташа, опять убирая со лба волосы.— Ты уже должен знать, что тебе нравится, что тебя увлекает. Школьные годы быстро пролетят.

— Ай, у Меледже нет других способностей, кроме как давать себя одурачивать Дурже-эдже. (Я толкнул локтем Аннака в бок.) Ты чего толкаешься, больно ведь! — по-шутовски согнулся мой верный друг.— А что, я разве неправду говорю?

Я больше не мог сидеть здесь. Встал и пошёл к двери.

— Ой, Меледже, что с тобой, куда ты? — всполошилась Наташа.— Посиди ещё. Ведь только что пришли.

Я ответил первое, что пришло в голову:

— Я должен за травой ехать.

— Какая может быть сейчас трава? Ведь уже стемнело!

Я подумал немного и сказал:

— Я должен уроки делать.

Наташа поняла, что меня не удержать.

— Ну что ж, надо так надо. Скажи маме большое спасибо за лепёшки.

Она насыпала конфет в платок, в котором я принёс лепёшки, протянула мне. Я не хотел брать их, но Наташа удержала мою руку. Я почувствовал, что по ней опять поползли мурашки, или током ударило, или что-то ещё случилось непонятное...

— Если не возьмёшь, я обижусь. У меня ведь много конфет, видишь сколько, разве я одна съем?

Я вышел на улицу, неся в руке узелок с конфетами. Скоро догнал меня Аннак. Он то и дело выуживал из кармана конфету и засовывал в рот.

— Наташа попросила, если сможем, завтра помочь ей. Пойдёшь? У нас ведь выходной.

Я молчал, вспоминая, как было приятно, когда Наташа коснулась моей руки.

— Так пойдёшь ты завтра с нами или нет?

Мы, оказывается, уже дошли до Аннакова дома.

— Могу и пойти.

— Тогда приходи с утра к Наташе в гостиницу. Хорошо?

Я сказал «ладно» и свернул к себе.

Вечером мама постелила мне во дворе. Ужинать я не стал, поскорее нырнул в постель.

Лежу на спине. На чёрном небе мерцают звёзды. Я пытаюсь отыскать среди них Большую Медведицу. Но вместо неё перед глазами появляется лицо Наташи с распущенными золотыми волосами. Девушка улыбается мне. Я крепко закрываю глаза. В ушах раздаётся мелодичный смех. Я прячу голову под подушку. Но теперь её пальцы касаются моей ладони. Я встряхиваю рукой...

— Эй, ты с кем там дерёшься? — смеётся папа, который пьёт чай на другом конце сури[1].

Я не отвечаю. Поворачиваюсь на бок.

Из-за деревьев выступила луна. Она большая, румяная, как лепёшки, которые печёт моя мама. Серебряные лучи слепят глаза. Я закрываю их, счастливо улыбаюсь. И опять вижу Наташу. Она зовёт меня:

«Меледже, а Меледже!»

Я оглядываюсь по сторонам. Наташи нигде нет.

«Я здесь, Меледже, я здесь!»

Голос доносится откуда-то сверху. Я поднимаю голову. Наташа сидит на луне, свесив ноги. Золотистые её волосы колышутся, почти касаясь земли. Девушка машет мне рукой:

«Меледже, иди сюда, ко мне».

Я стою, высоко задрав голову, и не знаю, как до неё добраться. Нет, это невозможно...

«Я здесь, Меледже! — трогает меня за плечо и почему-то добавляет голосом Аннака: — Вставай».

Я открываю глаза. Рядом со мной сидят и улыбаются Наташа с Аннаком. Солнце уже высоко.

— Ну и соня ты, Меледже! — сказала Наташа, убирая со лба локон.— И спишь как убитый. Мы ждали тебя, ждали в гостинице. Потом пришлось идти к тебе домой. Мы с твоей мамой даже немного поболтали. Думали, ты сам проснёшься, да где там!

— Ей-богу, как медведь в зимней спячке,— проворчал Аннак недовольно.— Наташа-то из-за тебя на работу опоздала.

Я виновато молчал. Наскоро умылся, сунул в карман кусок лепёшки.

— Я готов.

— А ты не позавтракаешь? — удивилась Наташа.— Поешь чего-нибудь. Мы подождём.

[1] Сури — широкая деревянная кровать-помост.

— Не хочу есть,— соврал я.

— Иди хоть молочка с пенкой выпей,— позвала мама.— Я тебе оставила.

— Не хочу.

— Ну ладно,— сказала Наташа, поднимая свои инструменты, прислонённые к стене.— Еды я взяла достаточно. Придём на место, там он и поест.

Треножник с рюкзаком понёс Аннак. А я — тяжёлый чёрный чемоданчик и длинные метровые рейки.

Выбравшись из аула, мы пошли на юг. Солнце сильно припекало. Наташа надела на голову широкополую соломенную шляпу, что висела у неё за спиной на тесёмочке.

Мы вышли на большое поле, зажатое с одной стороны песчаной возвышенностью, а с другой — зарослями саксаула и черкеза. Наташа осмотрелась по сторонам.

— Вот здесь мы и будем работать, ребята,— сказала она.— Я должна составить гидрологический план местности. Это и будет моей практической работой. А вы будете мне помогать.

— Конечно, будем! — отозвались мы.

Наташа вынула из чемоданчика, который я нёс, аппарат, похожий на фотографический, установила на треножнике.

— Наташа, мы тоже будем смотреть в этот бинокль? — поинтересовался Аннак.

— Посмотреть, конечно, вы можете. Но во время работы этим буду заниматься я сама. А называется эта штука теодолитом. Окошечко, в которое смотрят, окуляр. Вы пойдёте туда, куда я скажу, и будете держать вертикально эти рейки,— указала она на палки, что я нёс.— Ты, Аннак, встанешь вон на том холмике.

— Ну, я пошёл?

— Бери одну из реек и жди меня на вершине холма. Я махну рукой, покажу, куда двигаться.

Аннак взял одну палку наперевес и двинулся к холму.

— А ты, Меледже, видишь тот заброшенный домик? — Она показала на развалины, видневшиеся из-за кустов в другом конце поля.— Ты пойдёшь туда.

— Хорошо.

Я взял рейку и собрался идти к заброшенному дому, но девушка остановила меня:

— Только ты вначале позавтракай. Потом пойдёшь. А мы пока поработаем с Аннаком.

— Я не голоден...— начал было я, но Наташа перебила меня:

— Я лучше знаю, голоден ты или нет. А ну, садись ешь!

Она вынула из брезентового мешка разные вкусные вещи и разложила на салфетке — сачаке. Я уж тут больше не стал заставлять себя упрашивать, принялся уплетать завтрак за обе щеки.

Аннак тем временем шёл к холму. Когда он наконец влез на гребень и остановился, Наташа нацелила на рейку теодолит, время от времени что-то записывая в блокнот.

Поев, я свернул сачак с остатками еды, встал с места. Наташа, продолжая писать, вдруг спросила:

— Меледже, а какой ты сон видел сегодня утром? То ты улыбался, то чуть не плакал...

Покраснев, я опустил голову.

— Ладно, ладно, не стесняйся, расскажи.

Я рассказал ей свой сон, ничего не утаив. Девушка оторвалась от блокнота.

— Что ж ты не поднялся ко мне, раз я звала тебя?

— Разве до луны доберёшься? — удивился я.

Улыбка медленно сошла с губ Наташи, она серьёзно кивнула:

— Конечно, Меледже. У тебя всё ещё впереди...

Я взял рейку и направился к развалинам. Я так и не понял, смеялась надо мной девушка или нет.

Начиная с этого дня мы с Аннаком, как только выдавалось свободное время, помогали Наташе. Однажды Аннак уехал к бабушке, и в тот день мы с девушкой работали вдвоём.

Стояла осень, но солнце жарило, будто в середине лета. У нас кончилась вода, сильно хотелось пить. Наташа взяла кувшинчик, решила сходить к арыку принести воды.

Я ждал её, ждал, она всё не возвращалась. Решил сам пойти к арыку. «Заодно, может, искупаюсь»,— подумал я.

Наташу я не встретил по дороге, как надеялся, возле арыка её тоже не было. Куда же она делась? Я позвал. Никто не откликнулся.

Я прошёл несколько шагов вниз по течению и вдруг наткнулся на её платье с васильками, валявшееся на траве. И увидел саму Наташу... вернее, её золотые волосы над гладью воды...

Я крепко закрыл глаза, повернулся, ну и бежать.

— Меледже! Меледже!..— донеслось до меня, но я летел сломя голову на нашу стоянку. Прибежал, упал на землю.

«Что, спрашивается, случилось? Что такое происходит со мной? Убежал, как дурак, как чумной какой. Ну, купался человек, ты ведь сам

тоже собирался искупаться, что тут такого? Чего испугался? Ох и посмеётся она, когда вернётся. Что я отвечу, если Наташа спросит, почему убежал? Скажу, что проголодался».

Я кое-как разложил сачак, принялся через силу что-то жевать.

Появилась Наташа. Её мокрые волосы были узлом собраны на затылке. В руке она несла кувшин с водой. Девушка улыбалась.

— Ты почему убежал, Меледже?

— Проголодался.

Наташа опустилась рядом.

— Да, когда ты хочешь есть, во весь дух мчишься к сачаку.

Она засмеялась. Я тоже. Отдохнув, мы снова приступили к работе.

Дни летели один за другим, как минуты, и не думалось, что когда-нибудь кончится этот праздник. Но однажды, возвращаясь из школы, мы увидели возле гостиницы председательскую машину. Были здесь ещё люди. Много народу. И среди них Наташа. Какая-то неестественно оживлённая, будто чужая.

Она пошла нам навстречу.

— Хорошо, что пришли. Я ждала вас. Вот и настало время расставаться.

Мы знали, что её практика подходит к концу, что Наташа уедет, но не думали, что это так скоро случится.

— До свиданья, ребята. Спасибо вам за всё. Вы мне очень помогли.— Наташа протянула руку Аннаку.— Ты что, милый, плачешь? Не надо, мы ещё встретимся.

Я взглянул на друга. На глазах его были слёзы. Несколько прозрачных капель ползли по щекам.

Я отвернулся. Всё вокруг плыло как в тумане, поэтому, наверное, я и не увидел Дурже-эдже, без которой, конечно, не обходится ни одно событие, а услышал только её ехидный голос:

— Хе, джигиты тоже мне, у всех на виду ручьями слёзы льют! Будто на край света она уезжает. Своя ведь Наташа, ашхабадская!

— Я напишу тебе письмо,— тихо сказала девушка, пожимая мне руку.— И ты пиши мне, ладно?

Я молчал, язык не слушался меня.

Машина тронулась. Наташа махнула мне белой, как крыло лебедя, рукой. У меня словно что-то оборвалось в груди. Чем дальше уходила машина, тем больнее становилось там, где это что-то оборвалось. Я приложил руку к груди. Тук-тук-тук! — стучало там. Что это за стук? Что там такое колотится?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, последняя, о том, как снимались на фото наши соседи и друзья, герои этой книги

— Дурдже-эдже в тяжёлом состоянии!

Эта весть, принесённая Веллеком, поразила нас как гром среди ясного неба. Мы смотрели на Веллека, ничего не понимая. Как это, бабушка Дурдже в тяжёлом состоянии? Да она ведь ещё вчера бегала у себя во дворе?!

— Там весь аул собрался. Говорят, старуха помирать собралась.

Да разве такое возможно? Бабушка Дурдже — и вдруг умирает?

Оттолкнув шахматную доску, мы с Аннаком выскочили на улицу.

И правда, во дворе эдже было полным-полно народу. Мы вошли в дом. В самой большой из трёх комнат лежала, укрытая одеялом, Дурдже-эдже. У изголовья её сидели Овлак с Овелеком, дочь и зять. Вокруг суетились женщины.

— Салам алейкум,— сказал Аннак.

У меня же вдруг пропал голос и язык почему-то не слушался.

— Салама...— прошептал я и умолк.

— Сядьте, ребята, где-нибудь. Не мешайте людям,— сказал кто-то. Я узнал голос Торемурада-ага.

— Кто это пришёл? — слабым голосом спросила бабушка Дурдже.

— Караджаев, Джуммиев и Иллиев пришли проведать тебя, бабушка,— доложил почему-то очень официально учитель.

— Аннак и Меледже, что ли? И Веллек с ними? — вдруг зашевелилась больная.— Так и сказал бы по-простому, Торемурад. Идите ко мне, мои детки. Я попрощаюсь с вами.

Мы нерешительно топтались на месте. Торемурад-ага подтолкнул нас в спину:

— Идите, раз зовут.

Мы подошли к Дурдже-эдже, опустились рядом. Она поглядела на нас поочерёдно, закрыла глаза. На подушку скатились две слезинки.

— Не держите на меня зла, дети мои. Умираю я...

Мы посмотрели на лицо тётушки Дурдже. Оно было чёрным и сморщенным, как печёное яблоко. «Ведь и правда она очень старенькая»,— подумал я.

— Не умирай, бабушка, не умирай!..— Веллек закрыл лицо руками и завыл в голос.

Не удержал слёз и я. Только Аннак сидел какой-то безучастный, мне показалось, даже с каким-то интересом вглядывался в бабушку Дурдже.

— Всему приходит конец,— всхлипнула эдже.— И я вот завершаю свой путь. Вы уж простите меня. Я много обижала вас.

— Мы на тебя не в обиде, бабушка Дурже,— ответил Аннак.— Можешь спокойно...

Грозный кашель Торемурада-ага не дал Аннаку договорить роковые слова. Спасибо, вовремя учитель оборвал его. А не то этот дурень Аннак хотел, кажется, ляпнуть: «Можешь спокойно умирать».

Дурже-эдже облизнула пересохшие губы.

— Я не давала вам покоя. Не со зла это, детки...

На улице послышался сигнал машины. Торемурад-ага выглянул в окно:

— Наконец-то «скорая» приехала!

Минуту спустя в комнату вошёл Байназар, младший сын бахчевода Джуманазара-ага, следом за ним — двое мужчин в белых халатах. (Байназаров бушлук — помните, о нем мечтал Аннак, когда бабушка Дурже обхитрила нас во время возвращения Айназара,— никому не достался. Потому что Байназар вернулся ночью и его никто не видел. Теперь он работал шофёром районной «Скорой помощи».)

Один из врачей, толстый и с красным, как свёкла, лицом, пыхтя и отдуваясь, подсел к Дурже-эдже:

— Ну, бабушка, как ты себя чувствуешь?

— Плохо. Помираю я...— простонала эдже.

Толстяк вынул из кармана халата платок, вытер пот со лба.

— Мы не дадим тебе помереть, бабушка. Где болит?

— Ох, везде, сынок.

— А по телефону нам сказали, что жалуешься на боли в животе. Это верно?

Дурже-эдже промолчала, словно не слышала вопроса. Врач сунул ей под мышку термометр и опять спросил:

— А не переела ли ты, старая?

— Где уж переесть? — слабо махнула бабушка рукой.— Сам знаешь, дело старческое... Кусочек съешь чего — и сыта весь день...

И тут вдруг Аннак прыснул. Выдёргивает ворсинки из кошмы и весь трясётся. Зашёлся от смеха, остановиться не может.

Все возмущённо уставились на Аннака. Бабушка Дурже приподняла голову с подушки и опасливо поглядывала на него. Торемурад-ага грозно блеснул стёклами очков.

— Ах ты бесстыдник! Тут человек умирает, а он веселится. А ну, марш отсюда!

Дурже-эдже остановила Аннака, вцепившись ему в подол рубахи.

— Не обижай ребёнка, Торемурад. Не нарочно он смеётся. Это его дьявол заставляет смеяться.

— И вовсе не дьявол, бабушка Дурже,— серьёзно ответил Аннак.— Ты говоришь: «Кусочек съешь...» А я вчера вечером видел, что ты съела крынку сметаны, полкурицы, две лепёшки да ещё целую чашку плова.

— Как ты мог видеть, что я съела? Ты же дрова колол? — возмутилась эдже своим прежним, как до болезни, голосом.

— Так ты же сидела под навесом.

— А ещё деймуровец называется,— проворчала бабушка недовольно.— Пришёл дрова колоть — коли, а не высматривай, кто чего да сколько съел!..

— Всё понятно.— Врач-толстяк сунул термометр в сумку, даже не глянув на него.— Придётся, бабуля, забрать тебя в больницу. Желудочек прочистим, пилюлями угостим... Будешь как огурчик.

Дурже-эдже так в одеяле и отнесли в машину. Все напутствовали её словами:

— Выздоравливай поскорее, бабушка, и возвращайся. Мы будем тебя ждать.

...Она вернулась через неделю. Напуганные болезнью матери, Овлак с Овелеком захотели было перевезти её к себе в город, но Дурже-

эдже наотрез отказалась. «Здесь я родилась, здесь я и помру, в своём доме, в родном ауле,— ответила она.— Если жалеете старуху мать, вот и переезжайте сюда. Сами же всегда жалуетесь, что городская суета и беготня надоели!»

И тогда они решились, переехали в аул. Бабушка Дурже отдала им две большие комнаты в доме, сама переселилась в маленькую.

Овелек, которого мы когда-то приняли за шпиона, оказался человеком добрым и приветливым. Он скоро стал своим в ауле. И дело ему нашлось, потому что он был хорошим механиком. Особенно полюбился Овелек нам с Аннаком. Потому что он часто катал нас на своём «Москвиче». (Оказывается, Дурже-эдже помогла ему всё же купить машину.) А родителей наших он даже в Ашхабад возил по срочному делу.

Прежде Овелек был чемпионом по бегу. В нашем колхозе он организовал легкоатлетическую секцию и сам стал тренером. Занимался с ребятами и взрослыми. Несколько чемпионов вырастил, известных всей республике.

Ещё он любил фотографировать. Всех переснимал в ауле. И радовался, когда люди хвалили его работу. А денег не брал ни копейки.

Однажды Овелек предложил:

— Давайте соберём всех соседей и сфотографируемся. Будет отличный групповой портрет.

Все согласились.

Собрались за домом Дурже-эдже. Овелек натянул на стену простыню, установил аппарат на штативе и велел занимать места.

Старики сели на длинной скамейке в ряд, наши родители встали за их спиной, а мы, то есть я, Аннак и Веллек, устроились на земле, скрестив ноги.

Овелек навёл на нас объектив, предупредил:

— Буду снимать автоматом. Оставьте и для меня место. Все глядите вот сюда, не двигайтесь, не мигайте.

Только снимать — подъезжает на мотоцикле Нунна-ага.

— Фотографируетесь? — обрадовался он.— Постойте, я тоже снимусь с вами.

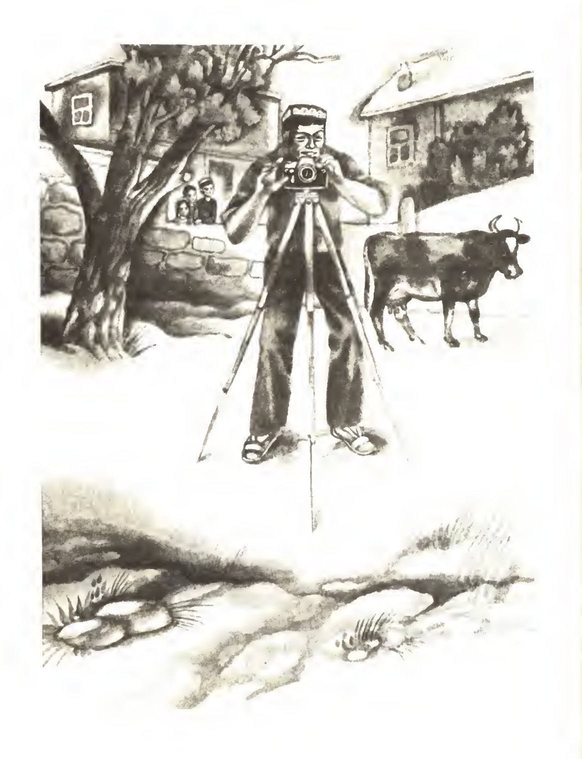
Подбежал, сел, потеснив Джуманазара-ага.

— Внимание!

Овелек предупреждающе поднял вверх палец, сейчас, мол, птичка вылетит. Но ему опять помешали. На сей раз захохотал Торемурад-ага.

— Чему ты смеёшься, Торемурад? — обиделся Овелек.

— Вон, глядите, корова Джуммиевых опять отвязалась.

В самом деле, по двору Дурже-эдже бродила какая-то рыжая тощая корова в поисках чем бы поживиться.

Аннак глянул на неё и хихикнул.

— Товарищ учитель, так ведь это не Джуммиевых, а ваша корова. Наша-то однорогая.

Торемурад-ага снял очки и, смущённо моргая, поглядел на корову.

— И верно, наша. Я сейчас, пойду привяжу её.

Дурже-эдже удержала его, схватив за локоть:

— Сиди, Торемурад. Пусть гуляет, пока Овелек фотографирует. Жрать-то она там всё равно ничего не найдёт. Я-то уж знаю ваших коров, позаботилась...

Учитель опустился на скамью.

— Ну хоть теперь посидите спокойно,— взмолился Овелек.— Я устал уже стоять.

— Ой-ёй, Овелек, погоди, милый! — На этот раз Дурже-эдже подскочила как ужаленная.

— Ну что ещё?!

— Да вот твой сын, Хаппыджа́н, штанишки намочил. Я быстренько... переодену только.

Внука Дурже-эдже звали Хаппыджаном в честь деда-бахши. Малыш сидел на руках у бабушки.

Все опять весело рассмеялись.

— Не надо бежать, Дурже-эдже,— попросил учитель, поправляя очки.— На карточке мокрые штанишки не будут видны. Давай, Овелек, снимай. Не то опять что-нибудь случится...

И мы, застыв, уставились в объектив. Включив спуск-автомат, Овелек подбежал и занял своё место. Щёлкнул затвор...

Вскоре каждый получил по нескольку карточек. На снимке мы все вышли очень красивые, весёлые, довольные.

Одну карточку я послал Наташе в Ашхабад. На память.

...Временами я, теперь уже взрослый человек, сажусь и начинаю разглядывать этот групповой портрет. И оживают в памяти одно за другим события, связанные с людьми, которые смотрят на меня с кусочка жёсткой бумаги. Иногда я невольно улыбаюсь, иногда больно щемит сердце...

Я понимаю, что происходит это оттого, что детство моё уже никогда не вернётся, и я сожалею об этом. Как быстро оно пролетело, детство моё... детство.

Оглавление

Для младшего школьного
возраста

Дурдыев Реджепмурад

ОРАГАТДЫ — ВЕСЁЛАЯ ИГРА

Повесть

Ответствеииый редактор
С. И Губарева

Художествеииый редактор
В. А. Горячева

Техиический редактор
Г. Г. Седова

Корректоры
О. И. Иванова и Л. М. Письман

ИБ № 6540

Сдаио в набор 20.01.83. Подписаио к печати 30.11.83. Формат 70×90 1/16. Бум офс. № 1. Шрифт балтика. Печать офсетиая. Усл. печ л. 7,02 Усл. кр.-отт. 8,19. Уч.-изд. л. 6,46. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2053. Цеиа 25 коп. Орденов Трудового Красиого Зиамеии и Дружбы иародов издательство «Детская литература» Государствеииого комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и киижиой торговли. 103720. Москва, Центр, М Черкасский пер., 1. Калииииский ордеиа Трудового Красиого Зиамеии полиграфкомбииат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калииии, проспект 50-летия Октября, 46.

Дурдыев Р.

Д84 Орагатды — весёлая игра: Повесть/Пер. с туркм. Э. Умерова; Предисл. К. Тангрыкулиева; Рис. А. Борисова.— М.: Дет. лит., 1983.— 95 с., ил.

25 к.

Повесть молодого писателя о забавиых и поучительиых приключеииях друзей-пятиклассииков. Действие происходит в иаши дии. Ребята узиают друг друга и окружающих их взрослых людей.

Д $\frac{4803010200-578}{M101(03)83}$ 343—83 С(Туркм)2

